U 335
535

И 335/535

Изданіе Ц. Крайзъ.

Черты изъ жизни Императора Николая Павловича

По разсказамъ современниковъ

составилъ Н. Ермиловъ.

С.-Петербургъ, 1900 г.

Дозволено цензурою Спб. 13 Марта 1899 г.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
56978-46
2007050668

317-4-2

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Императоръ Николай Павловичъ.

Бабушка и внукъ.

Императоръ Николай Павловичъ родился 25 іюня 1796 года, въ 3 часа утра. Онъ былъ третій внукъ Императрицы Екатерины Великой. По поводу его рожденія она въ тотъ же день писала къ барону Гримму слѣдующее: «сегодня въ 3 часа утра мамаша — такъ она звала свою невѣстку — родила большущаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно; длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь мою, въ первый разъ вижу такого великана». Въ то же время Екатерина II писала: «я стала

бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата». Предчувствіе великой императрицы оправдалось: 14 декабря 1825 года внукъ ея вступилъ на россійскій престолъ Императоромъ Николаемъ Первымъ.

Аничковскій рай.

Не предполагая быть русскимъ Императоромъ и будучи Великимъ Княземъ, Николай Павловичъ жилъ въ Аничковскомъ дворцѣ чрезвычайно просто, замкнувшись въ кругу любимой семьи своей, какъ обыкновенный смертный. Онъ рѣдко появлялся при дворѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ дому и то только для прогулокъ или на смотръ. Все свое время онъ посвящалъ семьѣ своей, занимался музыкой, рисовалъ, читалъ избранныя произ-

веденія англійскихъ и французскихъ авторовъ, любилъ собирать и приводить въ порядокъ коллекціи гравюръ, каррикатуръ и географическихъ картъ; устраивалъ арсеналъ, помѣщая въ него оружіе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. На сколько была дорога его сердцу подобная тихая семейная жизнь свидѣтельствуютъ слѣдующія слова, сказанныя имъ своей супругѣ

— Если кто-нибудь тебя спроситъ, въ какомъ уголкѣ міра скрывается истинное счастіе, сдѣлай одолженіе, пошли этого человѣка въ аничковскій рай.

Самоотверженіе отца.

Одинъ почтенный генералъ, высокоцѣнимый и уважаемый Николаемъ Павловичемъ, явился во дворецъ на другой день послѣ возмущенія 14 декабря 1825 г. За нимъ шелъ блѣдный, съ опущенною

головою, молодой офицеръ. На офицерѣ этомъ не было ни эполетъ, ни шпаги.

Генералъ приказалъ доложить Императору, что онъ привелъ одного изъ замѣшанныхъ во вчерашнемъ возмущеніи, и немедленно былъ принятъ Государемъ въ кабинетѣ.

Со слезами на глазахъ доложила онъ Николаю Павловичу:

— Ваше Величество, это сынъ мой! Онъ, несчастный, осмѣлился участвовать въ заговорѣ противъ особы Вашей. Предаю его заслуженному наказанію и не хочу считать его болѣе своимъ сыномъ!..

Николай I до глубины души былъ тронутъ такимъ самоотверженіемъ старика и доказательствомъ его преданности и, протянувъ ему руку, сказалъ:

— Генералъ, вашъ сынъ еще очень молодъ и успѣетъ исправиться... Не открывайте передо мною его вины. Я не желаю ее знать и предоставляю вамъ самимъ наказать его.

Министровъ много, а Царь одинъ.

Николаевская желѣзная дорога начата постройкой въ 1843 году и была торжественно открыта 19 августа 1851 годъ прошедшимъ царскимъ поѣздомъ; для публики же движеніе по ней началось 20 ноября того же года. Скорость движенія поѣздовъ въ то время не превышала 25 верстъ въ часъ. Министръ Путей Сообщенія Клейнмихель пожелалъ испытать большую скорость и благополучно проѣхалъ до Москвы со скоростью 50 верстъ въ часъ; возвратившись въ Петербургъ, онъ доложилъ объ этомъ Императору Николаю.

Вскорѣ послѣ этого Государь выѣхалъ изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ и приказалъ везти себя тоже со скоростью 50 верстъ въ часъ. Распоряженіе было отдано чрезъ министра Клейнмихеля, который лично передалъ о желаніи Государя машинисту поѣзда.

Но поѣздъ дошелъ до слѣдующей станціи, съ тою же быстротою 25 верстъ въ часъ, не болѣе. Приказаніе Царя не было такимъ образомъ исполнено. Государь разсердился и строго приказалъ ускорить ходъ поѣзда. Но скорость движенія не увеличивалась.

При слѣдующей остановкѣ Государь приказалъ найти и привести къ нему виновнаго въ ослушаніи. Виновнымъ оказался простой машинистъ: онъ наотрѣзъ отказался исполнить царскую волю. Привели его къ Николаю Павловичу.

— Почему ты осмѣлился не исполнить моего приказанія?—спросилъ Императоръ, нахмуривъ брови.

— Ваше Величество. отвѣчалъ машинистъ, съ такою скоростью ѣхать нельзя.

— Однако ты везъ министра путей сообщенія съ этою скоростью, возразилъ Государь.

Такъ точно, Ваше Величество, и это было очень опасно. Но я везъ потому,

что въ Россіи много министровъ и только одинъ Императоръ.

Николай Павловичъ улыбнулся и поблагодарилъ храбраго ослушника.

Добрый дѣдушка.

На масляной недѣлѣ, на Марсовомъ полѣ въ Петербургѣ, какъ и теперь, устраивались при Николаѣ Павловичѣ балаганы, качели и другія народныя увеселенія, а вокругъ Марсова поля катанье въ экипажахъ. Государь любилъ эти народные праздники и каждую масляницу выѣзжалъ на катанье, объѣзжая шагомъ поле нѣсколько разъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ толпа деревенскихъ ребятишекъ окружила сани Государя и, не зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, запищала:

— Покатай насъ, дѣдушка! Дѣдушка, покатай!...

Будочники, увидавъ эту сцену, бросились разгонять дѣтей, но Николай Павловичъ грозно взглянулъ на нихъ, приказалъ остановить сани и, усадивъ къ себѣ столько ребятишекъ, сколько могли помѣститься въ саняхъ, прокатилъ ихъ вокругъ всего Марсова поля.

Недовѣрчивый нѣмецъ.

Однажды Императоръ Николай Павловичъ прогуливался верхомъ по аллеямъ парка въ Павловскѣ. На встрѣчу ему попался нѣмецъ, величественно идущій подъ ручку съ женою. Не зная, что ему встрѣтился Государь, нѣмецъ не поклонился; физіономія его была на столько важна и курьезна, что Николай Павловичъ обратилъ на него свое вниманіе и заговорилъ съ нимъ.

Изъ разговора съ словоохотливымъ нѣмцемъ Царь узналъ, что тотъ сапож-

никъ, что у него много должниковъ въ Павловскѣ.

— И все офицеры, прибавилъ сапожникъ; офицеры, вѣдь, не любятъ платить денегъ... Они любятъ франтить въ моихъ сапогахъ, а денегъ не платятъ... Ходилъ я, ходилъ сегодня по Павловску, ни копѣйки съ нихъ не получилъ и теперь осталось мнѣ одно: взять мою Амальхенъ подъ ручку и погулять въ паркѣ. Но ужъ больше дуракомъ я не буду—никому въ долгъ не повѣрю, даже самому Царю!...

— А вы знаете ли Царя? спросилъ Николай Павловичъ.

— И знать его не хочу; я не люблю его!

— Почему же?

— А потому, что разъ, ѣхавъ въ кабріолетѣ, онъ едва не опрокинулъ меня и проѣхалъ мимо, даже не извинившись предо мною...

Государь отлично зналъ, что никогда съ нимъ не было подобнаго случая и сталъ убѣждать нѣмца въ томъ, что тотъ, вѣроятно, принялъ кого-нибудь

другого за Царя; но упрямый и недовѣрчивый нѣмецъ спорилъ и горячился:

— Я знаю Царя, онъ меня чуть не задавилъ!...

— Вы ошибаетесь, сказалъ Николай Павловичъ, и чтобы доказать вамъ это, я покажу вамъ Царя — онъ сейчасъ поѣдетъ къ вамъ навстрѣчу.

И Государь поскакалъ впередъ и, повернувъ чрезъ нѣсколько времени лошадь назадъ, сталъ возвращаться къ нѣмцу шагомъ. Нѣмецъ же тѣмъ временемъ сталъ прихорашиваться въ ожиданіи Государя: вытеръ потное лицо свое платкомъ, смахнулъ съ сюртука пыль и даже вытеръ свои сапоги; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внимательно смотрѣлъ впередъ, вглубь аллеи, ожидая когда же появится на ней Государь.

Когда Николай Павловичъ приблизился къ нему, нѣмецъ недовольно ему заявилъ:

— Гдѣ же Государь? Я никого не вижу!...

— Я Государь, сказалъ Императоръ.

Нѣмецъ расхохотался.

— Вы, господинъ офицеръ, очень мило шутите! сказалъ онъ.

Въ это время изъ боковой аллеи выѣхали офицеры и при видѣ Государя, ѣдущаго мимо ихъ, стали во фронтъ. Нѣмецъ понялъ, что это дѣйствительно Царь, страшно испугался и бросился на колѣни.

Николай Павловичъ разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ видите: я говорилъ вамъ, что не опрокидывалъ васъ кабріолетомъ и что вы другаго принимали за меня. Теперь, господинъ сапожникъ, можете удостовѣриться въ этомъ своими глазами.

Николай Павловичъ часто разсказывалъ этотъ случай и всегда при этомъ громко хохоталъ.

Невинные и виновный.

При посѣщеніи тюрьмы, Императоръ Николай зашелъ въ отдѣленіе присужденныхъ къ каторжной работѣ. Здѣсь онъ разспрашивалъ каждаго арестанта, за что тотъ сосланъ въ каторгу.

— По подозрѣнію въ грабежѣ, Ваше Величество!—говорили одни.

— По подозрѣнію въ убійствѣ!—отвѣчали другіе.

— По подозрѣнію въ поджогѣ, — докладывали третьи.

Однимъ словомъ, виновныхъ никого не было: всѣ ссылались лишь: „по подозрѣнію“.

Государь подошелъ къ послѣднему арестанту. Это былъ старикъ, обросшій густою бородою, съ загорѣлымъ лицомъ и мозолистыми рабочими руками.

— А ты за что? спросилъ Государь.

— За дѣло, Царь-батюшка! За дѣло!

Во хмѣлю былъ да въ дракѣ пріятеля убилъ, въ високъ хватилъ его...

— И что же, теперь жалѣешь, какъ видно?

— Какъ не жалѣть,Государь-батюшка! Какъ не жалѣть! Славный человѣкъ былъ; упокой, Господи, его душу! Семью его осиротилъ я! Не замолить мнѣ грѣха этого во-вѣки!

— А на родинѣ у тебя кто-нибудь остался? спросилъ Государь.

— Какъ же, отвѣчалъ старикъ, жена-старуха, сынъ больной, да внучата малые, сироткн. И ихъ загубилъ я отъ проклятаго винища. Во вѣкъ не замолю грѣха моего!

Императоръ громкимъ голосомъ повелѣлъ:

— Такъ какъ здѣсь все честные люди и виновныхъ только одинъ старикъ этотъ, то чтобы онъ не портилъ этихъ «заполозрѣнныхъ» людей, удалить его изъ тюрьмы и отправить на родину къ роднымъ.

Радость несчастнаго старика не поддается описанію. Чрезъ нѣсколько дней онъ былъ среди своихъ близкихъ и всю дальнѣйшую жизнь отличался примѣрнымъ поведеніемъ.

Простота жизни.

Штальмейстеръ Великобританской королевы серъ Чарльсъ Мурреї относительно простоты жизни Императора Николая Павловича, во время его пребыванія въ Виндзорскомъ замкѣ, въ Англіи, въ 1844 году, разсказываетъ слѣдующее:

— Мы приготовили торжественную кровать для Императора, но его камердинеръ отдалъ намъ большой мѣшокъ, въ семь футовъ длины и четыре ширины, прося наполнить его соломой и говоря, что Императоръ никогда не спалъ на другомъ ложѣ.

У Царя обѣдалъ.

Зажиточный старикъ, изъ крестьянъ Можайскаго уѣзда, пріѣхалъ въ первый разъ въ жизни въ Петербургъ и, желая во что-бы то ни стало видѣть Царя, отправился къ бывшему своему помѣщику, доктору Соколову съ просьбой, чтобы тотъ помогъ ему въ этомъ дѣлѣ и устроилъ бы такъ, чтобъ ему можно было повидать Царя.

Докторъ Соколовъ служилъ въ Преображенскомъ полку, мимо казармъ котораго Государь Николай I ежедневно проходилъ во время своей обычной утренней прогулки. Обыкновенно прогулку эту онъ совершалъ въ девять часовъ утра и, выйдя изъ Зимняго дворца, шелъ по Милліонной улицѣ, чрезъ мостъ надъ Зимней канавкой, по набережной, мимо казармъ Преображенскаго полка къ Невѣ и по ея набережной обратно ко дворцу.

Докторъ Соколовъ поставилъ мужичка на мосту чрезъ Зимнюю канавку, а самъ остался около воротъ казармъ, чтобы во время предупредить его о приближеніи Государя.

— Ты, смотри, на колѣни предъ Государемъ не становись: Его Величество этого не изволитъ любитъ, сказалъ докторъ мужичку,—ты только сними шапку и низко поклонись.

— Слушаю, батюшка баринъ, слушаю,—сказалъ мужикъ и съ сердечнымъ трепетомъ сталъ ждать Царя.

Не прошло и четверти часа, какъ докторъ Соколовъ крикнулъ ему:

— Царь идетъ!

Дѣйствительно величественная фигура Императора приближалась. Мужикъ снялъ шапку, но когда Государь поровнялся съ нимъ, не выдержалъ и упалъ на колѣни.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ его Николай Павловичъ.

Мужикъ дрожа отъ волненія еле могъ проговорить:

— Ничего мнѣ, Царь-батюшка, не нужно. Я тебя только хотѣлъ видѣть... Никогда не видалъ... А теперь Богъ сподобилъ. Теперь могу умереть спокойно!..

И, крестясь, старикъ повалился въ ноги Царю.

Государь поднялъ его, ласково спросилъ, кто онъ, откуда, не имѣетъ ли какой просьбы.

Мужичекъ разсказалъ про себя, что слѣдовало, и еще разъ заявилъ, что ему ничего не нужно.

— Ну, спасибо, дружокъ, сказалъ ему Императоръ, завтра приходи смотрѣть крещенскій парадъ.

Внѣ себя, въ слезахъ вернулся мужикъ къ доктору Соколову, разсказалъ ему, какъ Царь милостиво съ нимъ, старикомъ, обошелся, и заявилъ, что завтра пойдетъ на парадъ.

Тебя не пустятъ туда, возражалъ

ему докторъ, туда въ лаптяхъ и впустить никого не пускаютъ.

— Какъ можно, батюшка-баринъ, не пустить: самъ Царь велѣлъ мнѣ пріѣхать, — возражалъ старикъ.

Разспросивъ доктора, какъ и куда идти, мужичекъ рано утромъ отправился на парадъ. Проходя по Милліонной улицѣ, вблизи дворца, онъ увидѣлъ, что полиція гонитъ народъ назадъ, но смѣло продолжалъ свой путь. Квартальный загородилъ ему дорогу.

— Ты куда? Пошелъ назадъ! закричалъ онъ на мужика.

Но тотъ не сробѣлъ и твердо отвѣчалъ:

— На парадъ! Мнѣ самъ Царь велѣлъ.

Квартальный, услыхавъ это и зная строгость Николая Павловича, не осмѣлился уже гнать мужика, а доложилъ о томъ своему начальству, которое позвало нашего старика и вновь спросило, куда и зачѣмъ онъ пришелъ. Старикъ

разсказалъ подробно вчерашнюю встрѣчу съ Государемъ и какъ онъ велѣлъ ему прійти на парадъ.

Добился своего старикъ: его поставили у главныхъ воротъ дворца и онъ отлично видѣлъ весь парадъ, всю Царскую Фамилію и самого Государя, который, узнавъ старика, сказалъ ему:

— Молодецъ, что пришелъ! Накормить его!—прибавилъ Николай Павловичъ обращаясь къ одному изъ генераловъ.

По окончаніи парада, мужика отвели на Царскую кухню и подали ему обѣдъ. Водки и вина онъ не пилъ, почему ему дали меду.

Вернулся въ деревню старикъ счастливый: Царя видѣлъ, говорилъ съ нимъ, обѣдалъ у него.

Да, братцы, разсказывалъ онъ своимъ односельчанамъ, угостилъ же меня Царь-батюшка: ужъ чего только не подавали мнѣ на тарелочкахъ-то! Вотъ я и самъ не знаю что! А медъ-то какой

сладенькій! И не думать сладости такой пробовать. Навалился я на него, ну и пабашь! захмелѣлъ!...

Царь-кредиторъ.

Мелкій, небогатый помѣщикъ все свое состояніе, тысячъ въ пять рублей, далъ въ долгъ своему сосѣду, богатому помѣщику. Пришелъ срокъ платежа, богатый не только не отдалъ долга, но даже и процентовъ. Смѣется надъ бѣднымъ и говоритъ ему:

— Получай какъ хочешь; хоть судомъ. У меня судьи-то знакомы.

Заплакалъ бѣднякъ, пошелъ въ судъ, но никакого удовлетворенія въ теченіи цѣлаго года не получилъ.

Видитъ дѣло плохо. Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Семья голодаетъ, хоть по міру иди. И придумалъ онъ: пойду къ Царю, пожалуюсь

ему. Взялъ изъ суда свой вексель назадъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Узналъ, гдѣ и когда гуляетъ Государь, и сталъ ожидать. Наконецъ Государь показался, и бѣднякъ упалъ на колѣни. Государь подошелъ и спросилъ его, о чемъ онъ проситъ. Бѣднякъ разсказалъ ему.

— А есть ли у тебя документы, доказывающіе, что онъ тебѣ долженъ спросилъ Николай Павловичъ.

— Какъ-же, Ваше Величество, вексель есть; при мнѣ онъ.

— Покажи его.

И Государь, увидавъ, что вексель вполнѣ правильный, сказалъ просителю:

— Иди къ маклеру и сдѣлай при немъ подпись, что передаешь этотъ вексель Николаю Павловичу Романову.

— Слушаю Ваше, Императорское Величество, — отвѣтилъ осчастливленный бѣднякъ и отправился къ маклеру.

Онъ сдѣлалъ вышеупомянутую под-

пись на векселѣ, но маклеръ принялъ его за сумасшедшаго и отправилъ къ генералъ-губернатору.

Между тѣмъ Государь уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы генералъ-губернаторъ выплатилъ этому просителю весь долгъ по векселю съ процентами и получилъ бы съ него вексель. Когда бѣдняка привели къ генералу, ему немедленно же, къ удивленію маклера, выплатили всю сумму.

Получивъ на другой день вексель неисправнаго богатаго должника, Государь протестовалъ этотъ документъ и на третій день получилъ тоже всю сумму съ процентами.

Императоръ приказалъ вызвать къ нему богатаго помѣщика, которому сдѣлалъ внушеніе, а судебное начальство, потворствовавшее ему, получило строгій выговоръ, причемъ было ему указано удовлетворять законныя требованія подданыхъ Царя такъ же скоро, какъ и его собственныя.

Солдатская жизнь дорога.

Во время войны съ турками въ 1829 г. генералъ Дибичъ, подъ Кулевчею, разбилъ войска великаго визиря и загналъ турецкую армію въ неприступную крѣпость Шумлу, которую осадилъ.

Разговаривая съ фельдмаршаломъ Витгенштейномъ, Императоръ Николай I, по поводу этой осады, спросилъ:

— Можно ли взять эту крѣпость, считающуюся неприступною, штурмомъ?

— Можно Ваше Величество,—отвѣчалъ фельдмаршалъ, но это будетъ стоить жизни пятидесяти тысячъ храбрыхъ Вашихъ солдатъ.

— Такъ пусть же лучше стоятъ войска мои подъ крѣпостью пока она не сдастся сама, хотя бы имъ для этого пришлось стоять здѣсь пятьдесятъ лѣтъ!—воскликнулъ Государь.

Хорошая память.

Императоръ Николай Павловичъ отличался замѣчательною памятью и быстрою впечатлительностью.

Разъ въ Новогеоргіевской крѣпости онъ вызвалъ саперовъ для неожиданнаго смотра. Они выстроились безъ ружей въ три шеренги, офицеры впереди. Государь обошелъ саперовъ, всѣ весело смотрѣли ему въ глаза, что онъ особенно любилъ. Вдругъ, взглянувъ на одного изъ солдатъ второй шеренги, Императоръ спросилъ его:

— Ты былъ въ бунтовщикахъ?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество!—отвѣчалъ солдатъ.

Въ другой разъ Императоръ Николай I, осматривая молодыхъ офицеровъ, поровнялся съ прапорщикомъ Хмѣльницкимъ, спросилъ его:

— Ты какъ сюда попалъ? Шагъ впередъ!

Хмѣльницкій вышелъ на шагъ передъ фронтомъ; Государь взялъ его за голову и поцѣловалъ въ лобъ.

Оказалось, что Хмѣльницкій воспитывался въ первомъ петербургскомъ корпусѣ и бывалъ во дворцѣ на ординарцахъ. Императоръ узналъ его.

Китайскій Императоръ.

Захолустный Саратовскій помѣщикъ непремѣнно и во что бы то ни стало пожелалъ видѣть Государя. Не долго думая, онъ отправился въ Петербургъ и, поселившись въ гостинницѣ, сталъ каждый день бродить около Зимняго дворца въ надеждѣ встрѣтить Императора Николая Павловича, котораго въ лицо не зналъ.

Прошло три дня въ безуспѣшныхъ надеждахъ. Наконецъ помѣщикъ рѣшилъ обратиться къ кому-нибуть за помощью. Идя разъ, неподалеку отъ дворца, онъ увидалъ идущаго ему навстрѣчу высокаго офицера въ шинели. Думая, что это кто-нибудь изъ служащихъ при Дворѣ, помѣщикъ остановилъ его и спросилъ совѣта, какъ бы ему повидать Государя.

— А зачѣмъ вамъ Государь? спросилъ незнакомецъ.

— Да, помилуйте, я живу на бѣломъ свѣтѣ болѣе сорока лѣтъ, а ни разу не видалъ нашего батюшку-Царя, отвѣчалъ помѣщикъ и при этомъ словоохотливо разсказалъ подробности о своемъ общественномъ и семейномъ положеніи.

— Нѣтъ ли у васъ какого прошенія или просьбы? — спросилъ высокій офицеръ.

— Вотъ чудакъ-то! — воскликнулъ помѣщикъ. Да смѣю-ли я безпокоить о чемъ Его Величество! Я только его хочу ви-

дѣть и больше ничего. Пріѣду домой всѣмъ разсказывать буду, какой у насъ Царь.—А позвольте спросить васъ,—вы кто такой?

— Я русскій Императоръ, улыбаясь отвѣчалъ Николай Павловичъ, который дѣйствительно разговаривалъ съ помѣщикомъ.

Помѣщикъ громко разхохотался.

— Ха, ха, ха! Если вы русскій Императоръ, такъ ужъ я, должно быть, китайскій!—сказалъ онъ. Ну, полно шутить! Оставь! Скажи лучше, братецъ, откровенно, по русски: кто ты такой, да помоги мнѣ!

— Ну, ладно, отвѣчалъ Государь. Я пошутилъ. Я флигель-адъютантъ Государя. Изволь, я пособлю тебѣ.

— Ну, вотъ и молодецъ,—воскликнулъ обрадованный помѣщикъ. Давно бы такъ! Ты меня, братецъ не стѣсняйся: я, вѣдь, съ губернаторомъ знакомъ.

— Хорошо! Я приплю тебѣ моего то-

варища. Онъ покажетъ тебѣ Петербургъ и окрестности, а потомъ сведетъ тебя во дворецъ. — И Государь простился съ помѣщикомъ.

На другой день, дѣйствительно, къ нему пріѣхалъ флигель-адъютантъ Государя и цѣлую недѣлю показывалъ достопримѣчательности столицы. Помѣщикъ былъ на седьмомъ небѣ. Наконецъ, флигель-адъютантъ пригласилъ его во дворецъ, посѣтить мнимаго товарища.

Спасибо! — говоритъ помѣщикъ. Спасибо! Но какже я къ нему пойду, если я даже и фамиліи не знаю.

— Полно, братъ!—отвѣчалъ флигель-адъютантъ. Подъѣзжай прямо ко дворцу и когда тебя спросятъ, кто ты,—отвѣчай „китайскій императоръ“. Тебя сейчасъ же проводятъ къ моему товарищу.

Помѣщикъ согласился и на другой день поѣхалъ во дворецъ. Здѣсь онъ объявилъ себя китайскимъ императоромъ и его повели въ кабинетъ Николая Пав-

ловича. Внутренный карауль отдалъ ему воинскія почести, встрѣтивъ его барабаннымъ боемъ, какъ китайскаго императора. Помѣщикъ испугался и его насилу ввели въ кабинетъ, гдѣ находился Государь, который въ то время одѣвался.

— Что вы надѣлали! — воскликнулъ помѣщикъ, входя въ кабинетъ. Вѣдь, за подобныя шутки, если Императоръ Николай Павловичъ узнаетъ, мы съ вами въ Сибири будемъ! И я не увижу тогда Царя!..

— Ну, полно! Ужъ развѣ Царь такой строгій? — возразилъ ему Николай Павловичъ.

— Да, развѣ можно такъ шутить!— стоялъ на своемъ помѣщикъ. У меня душа даже въ пяткахъ ушла. Я самъ не свой. Вели-ка подать, для успокоенія, водки!

Подали водку. Помѣщикъ выпилъ одну-другую, пріободрился и болталъ безъ умолку. Государь тѣмъ временемъ

одѣлся въ полную парадную форму и сказалъ:

— Ну, пойдемъ я познакомлю тебя съ моею женою.

Войдя къ Императрицѣ, онъ представилъ ей помѣщика, говоря:

— Саша, рекомендую тебѣ новаго китайскаго императора.

Галантно распаркавшись, помѣщикъ подбѣжалъ къ Государынѣ, поцѣловалъ ея ручку и заявилъ:

— Отродясь такого шутника не видалъ, какъ вашъ супругъ, сударыня. Рискованный шутникъ! А вдругъ Государь узнаетъ—не сдобровать намъ съ нимъ.

Помѣщикъ былъ въ ударѣ, болталъ безъ остановки и еще до завтрака успѣлъ разсказать подробно свою біографію, про свое хозяйство, про губернскую знать и про всякія губернскія сплетни. Однимъ словомъ, держалъ онъ себя и за завтракомъ по русски—душа на распашку.

Въ концѣ оживленнаго завтрака офи-

ціанъ на какое-то приказаніе Государя, доложилъ:

— Все исполнено, Ваше Императорское Величество!

Тутъ помѣщикъ понялъ все, понялъ, что шутникъ самъ Императоръ. Онъ бросился на колѣни и просилъ прощенія. Государь поднялъ его и ласково сказалъ:

— Полно! Нисколько не сержусь. Напротивъ, очень радъ. Садись, кончай завтракъ, а поѣдешь къ своимъ, разскажешь, что не только видѣлъ русскаго Царя, но и завтракалъ съ нимъ и съ его семействомъ.

Завтракъ окончился при полномъ молчаніи помѣщика: теперь у него языкъ прилипъ къ гортани. Онъ откланялся и поѣхалъ къ себѣ въ гостинницу. А на другой день, когда Государь послалъ за нимъ, чтобы онъ явился во дворецъ, помѣщика въ Петербургѣ уже не было: онъ, быстро собравъ свои пожитки, укатилъ къ себѣ въ Саратовскую губернію.

Гордый офицеръ.

Во время пребыванія своего въ Варшавѣ Императоръ Николай Павловичъ стоялъ однажды у окна Лазенковскаго дворца и замѣтилъ, что проходившій мимо гауптвахты офицеръ не отдалъ чести солдату, сдѣлавшему ему на караулъ.

Императоръ вышелъ изъ дворца и, подойдя къ часовому, спросилъ его:

— Ты видѣлъ, что офицеръ не отдалъ тебѣ чести?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество!—отвѣчалъ солдатъ.

— А ты знаешь этого офицера?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество!

— И въ лицо не узнаешь?

— Узнáю, Ваше Императорское Величество!

— Ну, такъ вотъ что: никогда этому офицеру не дѣлай на караулъ. А если

онъ спроситъ, почему ты не отдаешь ему чести, скажи, что Императоръ не приказалъ. Понялъ?

— Слушаю, Ваше Императорское Величество.

Солдатъ, по возвращеніи изъ караула, доложилъ о случившемся по начальству и въ тотъ же день это было извѣстно во всѣхъ полкахъ. Послѣ этого офицеры стали аккуратно относиться къ отданію чести нижнимъ чинамъ.

Въ дорогѣ.

Еще одинъ примѣръ тому, насколько простой образъ жизни велъ Императоръ Николай Павловичъ.

Однажды онъ проѣзжалъ черезъ Пропойскъ, Могилевской губерніи, гдѣ и остановился на ночлегъ. Въ комнату внесли складное кресло, потомъ камеръ-

лакей принесъ на небольшомъ подносѣ графинчикъ водки со стаканчикомъ, два ломтя чернаго хлѣба и соль. Государь выпилъ стаканчикъ водки, посолилъ ломоть хлѣба, закусилъ и показалъ сопровождавшему его графу Орлову. Тотъ сдѣлалъ то-же самое. Затѣмъ Императоръ съ четверть часа поговорилъ съ графомъ Орловымъ, пожалъ ему руку и пожелалъ покойной ночи. Государь легъ, не раздѣваясь, на походномъ креслѣ, а графъ Орловъ улегся на диванъ.

Царь-опекунъ и адвокатъ.

Вдова генерала Т., оставившаго ее съ дѣтьми почти безъ всякихъ средствъ, купила дешево маленькое имѣніе и трудами рукъ своихъ въ нѣсколько лѣтъ значительно увеличила его стоимость. Бывшій владѣлецъ имѣнія сталъ добиваться уни-

чтожения купчей крѣпости, довелъ дѣло до Сената и выигралъ его.

Генеральша Т., благодаря такому рѣшенію осталась съ семьею совершенно безъ средствъ и даже не могла уплатить присужденныхъ съ нея судебныхъ издержекъ. Она рѣшила обратиться за помощью лично къ Государю и поѣхала изъ Москвы въ Петергофъ, гдѣ жилъ въ то время Императоръ.

Остановивъ его во время прогулки, она разсказала ему про свое положеніе, объяснила какъ несправедливо ее обидѣли и напомнила про заслуги своего покойнаго мужа.

— Пришлите мнѣ всѣ бумаги по вашему дѣлу,—милостиво сказалъ ей Императоръ Николай Павловичъ я съ удовольствіемъ готовъ быть опекуномъ вашихъ дѣтей, а если понадобится, то и вашимъ адвокатомъ.

Когда бумаги были доставлены Государю, онъ лично ихъ разсмотрѣлъ и,

увидавъ, что по обстоятельствамъ дѣла просительница была права, передалъ дѣло въ Государственный Совѣтъ, предложивъ ему внимательно обсудить апелляцію генеральши Т. на рѣшеніе Московскихъ Департаментовъ Сената.

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта рѣшеніе это было отмѣнено и убытки просительницы были возмѣщены изъ жалованья сенаторовъ, подписавшихъ не согласное съ законами рѣшеніе.

Всему свое время.

Императоръ Николай I чрезвычайно заботился о воспитаніи кадетъ. Часто онъ совершенно неожиданно являлся въ кадетскіе корпуса и даже ночью, при чемъ всегда обходилъ спальныя комнаты.

Однажды онъ такимъ образомъ посѣтилъ ночью первый кадетскій корпусъ.

Зайдя въ одну изъ спаленъ, онъ увидѣлъ, что одинъ кадетъ, при свѣтѣ огарка, сидитъ и читаетъ какую-то книгу. Оказалось, что книга эта была учебникъ, по которому кадетъ готовилъ заданный ему урокъ.

— Не время! — сказалъ Императоръ. Теперь надо отдыхать. Ложись и спи!

Кадетъ наказанъ не былъ.

Ворчливый старикъ.

На маневрахъ подъ Кронштадтомъ одинъ корветъ налетѣлъ на другой. Присутствовавшій при этомъ Императоръ Николай Павловичъ вспылилъ и грозно приказалъ:

— Подъ судъ командира!

Находившійся возлѣ Государя старикъ-адмиралъ Ѳ. Ѳ. Беллинсгаузенъ началъ ворчать:

— За всякую малость да подъ судъ! Все подъ судъ! Такъ нельзя!

Николаи Павловичъ отвернулся, сдѣлавъ видъ, что онъ не слышитъ воркотню старика.

А тотъ не унимался:

Молодой офицеръ — продолжалъ ворчать онъ — въ присутствіи Государя отличиться хотѣлъ, не разсчиталъ разстоянія и наткнулся... Экая бѣда! За такую мелочь если подъ судъ, такъ у насъ флота не будетъ.

Успокоившійся уже Государь не выдержалъ и обратился къ Беллинсгаузену:

— Спасибо, старикъ! Ты вѣрно говоришь. Но это надо разслѣдовать.

А старикъ продолжалъ ворчать:

— Это и безъ Высочайшаго повелѣнія будетъ сдѣлано... Виновный наказанъ будетъ... Но не судомъ.

— Правда! Правда! — подтвердилъ Государь.—Спасибо!

Два генерала.

Однажды, при проѣздѣ заграницу для посѣщенія прусскаго короля, Императоръ Николай I долженъ былъ, по маршруту, имѣть остановку на одной изъ станцій Ковенской губерніи. Такъ какъ Государь долженъ былъ прибыть на эту станцію какъ разъ въ то время, когда онъ привыкъ ежедневно завтракать, то одинъ богатый мѣстный помѣщикъ, никогда ранѣе этого не видавшій Николая Павловича, приготовилъ для него роскошный завтракъ въ помѣщеніи почтовой станціи.

Комнаты были убраны тропическими растеніями и флагами, столы ломились отъ приготовленнаго угощенія, а самъ помѣщикъ, одѣтый въ дворянскій мундиръ, съ трепетомъ сердца и нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Государя.

Госуд. ственная
ордена Ленина
Библиотека С

Вотъ прискакалъ фельдъегерь на взмыленныхъ лошадяхъ, которыхъ перемѣнилъ на свѣжія, и поскакалъ далѣе. На вопросъ помѣщика: „скоро ли пріѣдетъ Государь?“ онъ проговорилъ въ торопяхъ:

— Ѣдетъ слѣдомъ за мною.

Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ облако пыли поднялось на дорогѣ и вскорѣ къ подъѣзду станціи подкатила карета, запряженная шестерикомъ, съ форрейторомъ на передней лошади. Изъ кареты вышелъ генералъ, высокаго роста, въ бѣлой фуражкѣ. Помѣщикъ принялъ его за Императора, сдѣлалъ ему честь, но генералъ, не обративъ на это вниманія, вошелъ въ станціонную комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ.

Генералъ этотъ былъ не Государь, а генералъ-адъютантъ графъ Орловъ, который на этотъ разъ сопровождалъ Николая Павловича въ отдѣльномъ экипажѣ и ѣхалъ впереди Его Величества.

Увидавъ роскошно приготовленный завтракъ, графъ пріятно изумился; зная же что Государь завтракалъ на предыдущей станціи, графъ Орловъ славившійся своимъ аппетитомъ, усердно принялся за уничтоженіе приготовленныхъ явствъ и питій, не теряя времени и торопясь, чтобы покончить завтракъ до пріѣзда Государя.

Наконецъ онъ окончилъ это пріятное занятіе, вышелъ на крыльцо и, не обращая опять вниманія на стоявшаго огорченнаго помѣщика, сѣлъ въ ожидавшую его карету и покатилъ далѣе.

Помѣщикъ чуть не плакалъ отъ огорченія, что Государь не хотѣлъ не только поблагодарить его, но даже сказать ему хоть какое-нибудь любезное слово. Съ горя закурилъ онъ трубку и остался въ недоумѣніи на крыльцѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ къ крыльцу почтовой станціи подкатила другая карета и въ ней другой генералъ тоже въ бѣлой фу-

ражкѣ. Но этотъ генералъ не вышелъ на станцію и остался въ экипажѣ пока перекладывали лошадей. Онъ замѣтилъ одинокую фигуру помѣщика на крыльцѣ и подозвалъ его къ себѣ.

Тотъ бросилъ трубку и подошелъ къ каретѣ.

— Что вы здѣсь дѣлаете? спросилъ его неизвѣстный генералъ.

— Бѣда, Ваше Превосходительство,— отвѣчалъ помѣщикъ. Приготовилъ я завтракъ Государю, здѣсь на станціи. Пріѣхалъ Его Величество, отвѣдалъ кушаній и, ни слова не сказавъ мнѣ, уѣхалъ. Думаю, что онъ чѣмъ нибудь недоволенъ, но чемъ не знаю. Просто бѣда! А ужъ такъ какъ завтракъ остался, то не пожелаете ли. Ваше Превосходительство, откушать съ Царскаго стола...

— Благодарю Васъ,—Отвѣтилъ проѣзжій генералъ,—но я уже позавтракалъ на прошлой станціи. А вы развѣ никогда не видѣли Государя?

— Никогда, Ваше Превосходительство.

— А вамъ бы очень хотѣлось его видѣть и поговорить съ нимъ?

— Еще бы! Если бы хоть разъ въ жизни удостоиться разговоромъ съ нимъ! Впрочемъ, такого случая теперь ужъ никогда не выпадетъ на мою долю.

— Успокойтесь! Вы ошибаетесь. Тотъ, кого вы приняли за Государя, былъ не Государь, а графъ Орловъ. Государь — это я, — сказалъ, улыбаясь Николай I.

Помѣщикъ былъ безконечно изумленъ. Государь протянулъ ему руку, которую онъ благоговѣйно облобызалъ.

Богомольность Императора.

Каждый вечеръ, по окончаніи занятій Императоръ Николай Павловичъ молился Богу коленопреклонно предъ кіотомъ. При этомъ онъ всякій разъ при-

лѣплялъ къ спинкѣ стула восковую свѣчку.

Разъ, окончивъ труды свои позднею ночью, онъ по обыкновенію молился и, усталый, вздремнулъ, склонивъ голову на стулъ. Свѣчка нагнулась и воскъ началъ капать на подушку стула почти около самой головы Государя.

Случайно вошедшій камердинеръ Государя увидѣлъ это, разбудилъ Государя и сказалъ ему:

— Вѣдь, Вы не желаете, Ваше Величество, чтобъ знали, что Вы такъ молитесь?

— Конечно,—отвѣчалъ Государь.

— Ну, вотъ видите-ли. А свѣча наклонилась, воскъ на стулъ капаетъ. Долго ли до грѣха, на голову бы Вамъ капнула, знакъ бы остался; всѣ догадались бы.

Государь, у котораго, какъ извѣстно, была лысина, сказалъ камердинеру:

— Правду говоришь, старикъ.

— Не прикажете ли, я аналойчикъ сдѣлаю?

— Не надо; хуже будутъ знать.

Старикъ камердинеръ устроилъ въ кіотѣ выдвижную задвижку, въ которую вставилъ металлическую трубочку для восковой свѣчи.

Счастливый мальчикъ.

Проѣзжая однажды зимою по Екатерининскому каналу, Государь увидалъ на Каменномъ мосту мальчика-мастероваго, плакавшаго горькими слезами. Рядомъ съ мальчикомъ лежала разбитая бутылка. Государь приказалъ остановить лошадей и позвалъ къ себѣ мальчика.

— О чемъ ты плачешь? спросилъ его Императоръ Николай Павловичъ.

— Хозяинъ за пивомъ меня послалъ;

несъ я бутылку, упалъ и разбилъ ее. Теперь онъ меня накажетъ.

— А гдѣ живетъ твой хозяинъ?

— Вотъ здѣсь, на каналѣ; онъ сапожникъ.

Мальчикъ показался Государю симпатичнымъ и внушилъ къ себѣ жалость. Николай Павловичъ посадилъ его къ себѣ въ сани и приказалъ везти себя къ сапожнику.

Войдя въ мастерскую его, Государь назвалъ себя. Сапожникъ не повѣрилъ ему и возразилъ.

— Ну, ужъ нѣтъ! Какой вы Императоръ! Императоръ ко мнѣ не пойдетъ. Вы, можетъ быть, генералъ. Это пожалуй!

Тогда Николай Павловичъ сказалъ:

— Этого мальчика ты оставь въ покоѣ. Сейчасъ я пришлю за нимъ флигель-адъютанта.

Дѣйствительно скоро явился флигель-адъютантъ Его Величества и отвезъ сча-

стливаго мальчика въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, куда тотъ былъ опредѣленъ, по Высочайшему повелѣнію, на казенный счетъ.

Привычка.

Государь Николай Павловичъ не любилъ перемѣнъ и потому очень быстро привыкалъ къ окружающей обстановкѣ. Если ему подавалась, напримѣръ, новая лошадь и на его вопросъ: „Что это за лошадь?“, ему отвѣчали:

— Новая, Ваше Величество!

То онъ восклицалъ обыкновенно:

— Дрянь, слабосильна!

И затѣмъ дѣлалъ на ней такіе концы по городу, что лошадь, дѣйствительно, возвращалась домой усталою и вся въ мылѣ.

Я говорилъ, что слабосильна,— замѣчалъ Императоръ, выходя изъ саней.

Новый экипажъ, точно также, всегда казался Государю съ недостатками:

— Коротокъ! Негдѣ ногъ протянуть!.. Или:

— Трясокъ и узокъ, просто ѣхать невозможно!

Въ виду этого новую лошадь или экипажъ всегда старались подать Государю въ первый разъ вечеромъ, напримѣръ, когда онъ ѣхалъ въ театръ.

На другой день, когда взоръ его падалъ на поданную ему новую лошадь или на новый экипажъ, и онъ спрашивалъ:

— Это что за лошадь? Что за экипажъ?

Ему отвѣчали:

— Вчера изволили ѣздить въ театръ Ваше Величество!

Замѣчанія онъ уже не дѣлалъ.

Царь-миссіонеръ.

Императоръ Николай I всегда бывалъ очень доволенъ, когда богатые купцы евреи переходили въ православную вѣру. Одинъ изъ такихъ евреевъ, богатый петербургскій купецъ, занимавшійся откупами (назовемъ его Ицкой) и казенными подрядами, долго дѣлалъ видъ, что онъ не прочь бы принять христіанство, но все продолжалъ оставаться въ своей вѣрѣ, не смотря на многократныя убѣжденія приближенныхъ Императора, доказывавшихъ, по его порученію, всю выгоду для самого Ицки и его дѣтей перемѣны вѣры. Каждый разъ купецъ-еврей отвѣчалъ при этомъ, что, въ личныхъ выгодахъ своихъ и своей семьи, онъ готовъ хоть сейчасъ перейти въ православіе, но высшія соображенія побуждаютъ его повременить съ этимъ дѣломъ.

Когда передавали Императору Нико-

лаю такіе отвѣты Ники, онъ обыкновенно посмѣивался и говорилъ:

— Знаю я давно, какія у него высшія соображенія!.. Захотѣлъ онъ прямо изъ іерусалимскихъ дворянъ выскочить въ русскіе бояре...

Николай Павловичъ придумывалъ время отъ времени и другіе способы убѣжденія упрямаго Ники; предлагалъ ему, разумѣется чрезъ другихъ, равныя выгоды и награды, но еврей оставался на своемъ и все твердилъ о своихъ высшихъ соображеніяхъ.

— Ну, должно быть, мнѣ самому придется быть жидовскимъ миссіонеромъ— сказалъ, наконецъ, Императоръ Николай, смѣясь.

Послѣ этого прошло, однако долгое время, а Государь ни разу не вспомнилъ объ Никѣ. Всѣ думали, что онъ позабылъ о немъ совершенно. Наступила Пасха. Совершенно неожиданно Императоръ

приказывалъ вызвать къ нему Ицку на второй день праздника.

Зная, что не всегда онъ велъ свои дѣла по подрядамъ и поставкамъ чисто и честно, Ицка ужасно перетрусилъ этого вызова къ Государю, боясь, что послѣднему сдѣлались извѣстными его плутни и продѣлки.

Тремпа отъ страха, явился онъ во дворецъ. Здѣсь ему велѣли подождать выхода Государя. Недолго онъ ожидалъ этого момента. Неожиданно для трусящаго и оторопѣвшаго Ицки вошелъ въ залъ Императоръ и, быстро приблизившись къ еврею, громко сказалъ:

— Здравствуй!.. Христосъ воскресе!...

— Воистину воскресе, Ваше Императорское Величество!—неожиданно для самаго себя, отвѣтилъ растерявшійся Ицка.

Государь похристосовался съ нимъ и надѣлъ на него крестъ, т. е. орденъ, при чемъ сказалъ:

— Вотъ придворные увѣряли меня,

что ты не вѣруешь во Христа, я же говорилъ противное и очень радъ, что вышло по моему.

— Я сегодня же подамъ прошеніе о переходѣ въ православіе со всѣмъ моимъ семействомъ, Ваше Императорское Величество,—отвѣчалъ Ицка и въ точности исполнилъ свое обѣщаніе.

Императоръ нерѣдко вспоминалъ съ веселымъ смѣхомъ этотъ эпизодъ своего удачнаго миссіонерства.

Ослушаніе.

Когда Императоръ Николай ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву, онъ обыкновенно приказывалъ, чтобы ему былъ приготовленъ обѣдъ въ Пжорѣ и всегда изъ двухъ блюдъ—щей и каши.

Разъ мѣстное купечество доставило прекрасныхъ живыхъ большихъ стерля-

дей и усиленно просило приготовить ихъ для Государя. Приближенные Царя, посовѣтывавшись, рѣшили отмѣнить приказаніе Государя и вмѣсто щей приготовили уху.

Когда Государь пріѣхалъ и былъ поданъ обѣдъ, онъ увидалъ, что его ослушались, и разсердился.

— Такъ-то исполнена моя воля?!— сказалъ онъ находившемуся здѣсь А. Ф. Львову.—Лошадей!

И Государь, не откушавъ, уѣхалъ далѣе. Обѣдалъ онъ уже вечеромъ.

Императоръ-отецъ.

Зима 1834 года въ Петербургѣ отличалась необычайными холодами. Стужа была такъ велика, что даже театры были закрыты, а концерты и балы отмѣняемы: кучера и лошади не выносили холода.

Особенно бѣднякамъ доставалось сильно въ эту суровую зиму.

Въ это время жилъ въ Петербургѣ очень бѣдный отставной актеръ нѣмецкой труппы, Бреде, обремененный большимъ семействомъ. Такъ какъ онъ не имѣлъ средствъ для возвращенія на родину за-границу, то нѣмецкое благотворительное общество оказало ему помощь, но данныя ему деньги ушли не на дорожныя издержки, а на лѣченіе дѣтей, которыя у него серьезно заболѣли. Тогда тоже общество помогло ему второй разъ, давъ средства для возвращенія въ Германію.

Но и на этотъ разъ Бреде не могъ уѣхать домой. Жена простудилась, слегла отъ болѣзни въ постель и, не смотря на всѣ заботы любившаго ее мужа, умерла. Бреде опять остался безъ копѣйки денегъ и опять лишился возможности ѣхать на родину.

Случайно узнала объ этомъ знамени-

тая артистка Королина Бауэръ и сообщила объ этомъ пастору Мураль ту, который славился въ Петербургѣ не только какъ прекрасный проповѣдникъ и опытный педагогъ, но и какъ благотворитель, помогавшій бѣднымъ, преимущественно, конечно, иностранцамъ.

Къ счастью для Бреде, пасторъ Мураль тъ въ этотъ день былъ въ Зимнемъ дворцѣ у Великихъ Княженъ и разсказалъ имъ исторію Бреде, показавъ при этомъ и письмо, полученное имъ отъ Королины Буэръ.

— Это должна прочитать и мама!— вскричала Великая Княжна Марія Николаевна и выбѣжала изъ комнаты, неся письмо къ Государынѣ.

Между тѣмъ обѣ другія Великія Княжны вынули изъ своихъ рабочихъ ящиковъ, хранившіяся тамъ, нѣсколько золотыхъ монетъ и отдали пастору для помощи актеру Бреде.

Вдругъ въ комнату вошелъ Импера-

торъ Николаій съ Императрицею и Великою Княжною Маріей Николаевной.

— Благодарю васъ, пасторъ, · сказалъ онъ. Это очень хорошо, что вы доставляете дочерямъ моимъ случаій дѣлать добро. Я искренно этому радуюсь, потому что это дѣлаетъ ихъ счастливыми.

Конечно актеру Бреде была оказана широкая помощь и онъ благополучно возвратился заграницу.

Быстрое правосудіе.

Проигрался въ карты одинъ молодой человѣкъ. Получалъ онъ отъ своего отца ежемѣсячно, каждое первое число, по пятидести рублей. Отецъ его былъ на столько аккуратенъ и строгъ, что сынъ не имѣлъ права и не смѣлъ просить даже наканунѣ перваго числа выдачи ему положенныхъ пятидесяти рублей.

Поэтому не разсчитывая на отца и будучи обязанъ немедленно уплатить карточный долгъ, онъ отправился къ своему пріятелю-офицеру взять у него взаймы. Не заставъ его дома, онъ отправился въ его спальню и взялъ изъ письменнаго стола пятьдесятъ рублей, зная, что пріятель на это не разсердится и даже будетъ радъ, что помогъ ему, какъ это неоднократно случалось и ранѣе. Намѣреваясь при свиданіи съ пріятелемъ разсказать ему о случившемся, онъ поспѣшилъ поѣхать, чтобы уплатить „долгъ чести“.

Между тѣмъ пріятель-офицеръ возвратился домой и, сразу увидавъ недостачу денегъ, заявилъ о томъ полиціи; конечно, прежде всего заподозрили въ кражѣ деньщика. Послѣдній при допросѣ показалъ, что денегъ онъ не бралъ, но что молодой человѣкъ входилъ, въ отсутствіе барина, въ его спальню.

Злополучнаго юношу, быть можетъ

и безъ воли хозяина, привлекли къ отвѣтственности. Онъ сознался, что деньги взялъ и что не успѣлъ предупредить о томъ пріятеля. Началось слѣдствіе и обвиняемаго заключили подъ арестъ въ арестанское помѣщеніе при полиціи.

Отецъ молодого человѣка, узнавъ объ этомъ, подалъ Императору Николаю Павловичу прошеніе, въ которомъ, не оправдывая и не защищая сына, просилъ лишь о скорѣйшемъ окончаніи дѣла, такъ какъ продолжительное пребываніе его сына съ арестантами слишкомъ сильно могло бы повліять на его нравственную сторону.

На этомъ прошеніи Императоръ положилъ слѣдующую разолюцію:

„Завтра въ 10 часовъ утра представить мнѣ на конфирмацію".

Оставалось менѣе сутокъ времени. Между тѣмъ дѣло, по порядкамъ тогдашняго судопроизводства, должно было пройти слѣдующія инстанціи: представлено въ Губернское Правленіе, гдѣ долженъ

быть составленъ журналъ о неимѣніи препятствій къ преданію суду; журналъ долженъ быть подписанъ всѣми членами Правленія, утвержденъ губернаторомъ, пропущенъ губернскимъ прокуроромъ; затѣмъ дѣло, при указѣ, должно было быть отослано въ уѣздный судъ, гдѣ составленъ приговоръ, который долженъ быть подписанъ всѣми членами и пропущенъ уѣзднымъ стряпчимъ; затѣмъ дѣло, при рапортѣ, должно было быть представлено въ уголовную палату на ревизію; составленное здѣсь опредѣленіе также необходимо было подписать всѣмъ членамъ палаты, разсмотрѣть прокурору и препроводить на заключеніе губернатору, а съ заключеніемъ послѣдняго представить при рапортѣ, въ Правительствующій Сенатъ; въ Сенатѣ нужно было составить опредѣленіе, подписанное сенаторами, которое долженъ былъ разсмотрѣть оберъ-прокуроръ Сената; затѣмъ его необходимо было представить

на заключеніе министра внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ котораго служилъ злосчастный молодой человѣкъ, и съ заключеніемъ министра дѣло должно было быть направлено чрезъ министра юстиціи въ Комитетъ Министровъ и чрезъ этотъ послѣдній уже на конфирмацію къ Государю.

Конечно, во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ ночь проведена была безъ сна, происходили засѣданія и совѣщанія, чиновники скрипѣли перьями, всюду летѣли курьеры и къ утру все было готово: Высочайшая воля исполнена.

При обычномъ теченіи дѣла на всю вышеупомянутую процедуру потребовалось бы времени не менѣе года.

Разсмотрѣвъ дѣло, Императоръ повелѣлъ отдать молодого человѣка въ рядовые и послать на Кавказъ, а чрезъ мѣсяцъ его простилъ.

Такъ строго онъ смотрѣлъ на понятіе о чести,

Художники.

Мѣстные художники-самоучки, при возобновленіи великой церкви Кіево-Печерской лавры закрыли старинныя фрески, украшавшія стѣны храма, своею аляповатою живописью масляными красками.

При посѣщеніи Кіево-Печерской лавры Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, послѣ обычнаго молебствія, митрополитъ Филаретъ, обративъ вниманіе Его Величества на группу чернецовъ, сказалъ:

— Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ.

— Кто ихъ училъ?—спросилъ Государь.

— Матерь Божія,—простодушно отвѣчалъ владыка.

— А! Въ такомъ случаѣ говорить нечего,—замѣтилъ Императоръ.

Примѣрный мужъ.

— —

Императоръ Николай I любилъ ѣздить быстро и всегда на превосходномъ рысакѣ. Однажды, при проѣздѣ Государя по Невскому проспекту, перебѣгалъ чрезъ улицу какой-то человѣкъ и, не смотря на оклики кучера, едва не попалъ подъ лошадь Государя, который даже всталъ въ дрожкахъ и схватилъ кучера за плечи.

Неизвѣстный человѣкъ оглянулся, Государь погрозилъ ему пальцемъ и жестомъ подозвалъ его къ себѣ. Но пробѣгавшій махнулъ отрицательно рукою и побѣжалъ дальше.

Возвратясь во дворецъ, Государь нашелъ у подъѣзда ожидающимъ его оберъ-полицеймейстера Кокошкина.

— Ты уже знаешь? спросилъ его Николай Павловичъ.

— Знаю Ваше Величество!

— Кто онъ?

— Не говоритъ: объясню, говоритъ, только самому Государю.

Доставили немедленно дерзкаго во дворецъ и привели къ Государю, который спросилъ его:

— Это ты такъ неосторожно сунулся подъ мою лошадь? Ты знаешь меня?

— Знаю, Ваше Императорское Величество!

— Вѣдь, ты видѣлъ, что я звалъ тебя рукою?

— Видѣлъ Ваше Императорское Величество!

— Какъ же ты осмѣлился не послушаться своего Царя?

— Виноватъ, Ваше Императорское Величество... Некогда было... у меня жена въ трудныхъ родахъ мучилась... и я бѣжалъ къ бабкѣ.

— А! Это причина уважительная!— сказалъ Государь. Ступай за мною!

И онъ повелъ его во внутренніе покои къ Государынѣ.

Рекомендую тебѣ примѣрнаго мужа,—сказалъ онъ ей,—который, чтобы оказать скорѣе медицинскую помощь женѣ своей, ослушался призыва своего Государя. Примѣрный мужъ!

Ослушникъ оказался бѣднымъ чиновникомъ. Этотъ случай былъ началомъ счастья всей его семьи.

Деликатность.

Камердинеръ Императора Николая Павловича разсказывалъ слѣдующее.

— Засну я иной разъ, а потомъ очнусь и думаю: не пора ли Государю помогать раздѣваться? Загляну, а ужъ онъ самъ раздѣлся и легъ... А иной разъ съ просонья слышу шорохъ... Смотрю, а Государь, замѣтивъ, что я заснулъ, на носочкахъ проходитъ мимо меня!...

Дарья и Егорка.

У одного крестьянина села Савцына, Кашинскаго уѣзда, Тверской губерніи, Прокопія, взяли въ пятидесятыхъ годахъ въ солдаты старшаго сына Исаію, а чрезъ годъ-два, такъ какъ въ то время были часты наборы, забрили лобъ и второму, Егору.

Лишившись обоихъ сыновей, мать ихъ начала убиваться и плакать и съ каждымъ днемъ ея горе все возрастало и возрастало. Мужъ ея, видя, что дѣло плохо, сказалъ ей однажды.

— Чего тутъ, Дарья, выть да ныть, ступай-ка лучше прямо къ Царю, попроси у него милости, а денегъ на дорогу я тебѣ дамъ.

Выправилъ онъ ей въ волости паспортъ и отправилась Дарья въ Петербургъ. Добралась до него благополучно и остановилась у земляковъ. Кашинскихъ

всегда было въ Петербургѣ много, проживали они въ извощикахъ. Разсказала она имъ про свое горе и про цѣль своего прихода и узнала отъ нихъ, гдѣ и когда можетъ встрѣтить Царя на прогулкѣ.

Въ опредѣленный часъ вышла она изъ дому въ сопровожденіи земляка и направилась на Адмиралтейскій бульваръ, гдѣ долженъ былъ проходить Государь. Когда онъ показался издали, землякъ сказалъ Дарьѣ: „Воинъ идетъ батюшка Царь"! и самъ удалился. Дарья дождалась пока Николай Павловичъ приблизился къ ней и бросилась ему въ ноги.

— Царь-батюшка! Смилуйся! Отдай намъ назадъ Егорку,—заголосила она,—довольно тебѣ и Исайки. Не то Прокопій меня прибьетъ; ей-Богу, прибьетъ!..

Государь остановился и, немного погодя, старуха была уже въ состояніи отвѣчать на его вопросы.

— Откуда ты?

— Кашинская, батюшка, изъ Савцына.

— Кто такой Егорка?

— Сынъ родной, батюшка, сынъ! По-запрошлый годъ взяли въ некруты Исайку, а нонѣ и Егорку. Пропали мы, роднень-кій! Пропали! Кто кормить-то насъ будетъ?...

И заливаясь слезами, Дарья снова упала Царю въ ноги.

Императоръ Николай Павловичъ своимъ рыцарски отзывчивымъ сердцемъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ истиннымъ материнскимъ горемъ. Онъ приказалъ Дарьѣ встать и идти за нимъ. Возвратясь во дворецъ, онъ велѣлъ дежурному флигель-адъютанту подробно распросить просительницу и немедленно исполнить ея просьбу. Затѣмъ онъ сказалъ ей:

— Ступай домой, тетка, Чрезъ двѣ недѣли Егорка будетъ съ вами. А паспортъ у тебя есть?

— Есть, батюшка, есть,—отвѣчала Дарья. Вотъ тутъ за пазухой.

Николай Павловичъ спросилъ ее затѣмъ:

— А деньги есть?

— Какъ же, батюшка: есть. Прокопій далъ; два рубля осталось.

Императоръ улыбнулся, далъ ей двадцать пять рублей и сказалъ:

На, вотъ тебѣ на дорогу. Молись Богу за меня.

Радостная Дарья возвратилась домой и разсказала мужу и односельчанамъ о случившемся съ нею. А недѣли чрезъ двѣ, дѣйствительно, явился въ Савцыно Егорка къ радости и утѣшенію своихъ родителей.

Наказанный страхъ.

Въ Россіи, до Венгерской кампаніи было столько серебра и золота, что многіе, при выдачѣ денегъ, просили, какъ милости, ассигнацій.

Вдругъ, послѣ кампаніи, всѣ серебряные рубли провалились, какъ сквозь землю. Императоръ издалъ повелѣніе, воспрещающее вывозъ серебра заграницу. Нарушители строго карались. Но серебро въ Россію не возвращалось. Какъ будто Венгерская кампанія открыла серебру неизвѣстныя дотолѣ ворота въ Европу.

Императоръ Николай Павловичъ былъ крайне озабоченъ и обезпокоенъ этимъ. Онъ началъ употреблять всевозможныя мѣры для сокращенія расходовъ повсюду и для привлеченія серебра въ Россію.

Въ самый разгаръ этой борьбы за удержаніе звонкой монеты въ предѣлахъ отечества, одинъ польскій помѣщикъ изъ Бѣлоруссіи, испугавшись за свой капиталъ, хранившійся въ Государственномъ банкѣ въ количествѣ ста тысячъ рублей, потребовалъ возврата его и непремѣнно звонкою монетою.

Звонкой монеты на лицо въ такой

суммѣ тогда не оказалось. Доложили объ этомъ Государю.

— Такъ, значитъ, онъ не вѣритъ мнѣ, — сказалъ Николай Павловичъ,— боится банкротства Россіи? Возвратить ему его капиталы звонкою, но мѣдною монетою!

И вотъ нагрузили нѣсколько подводъ бочками съ мѣдными пятаками, громадными въ то время по размѣрамъ, наряди̇ли къ нимъ конвой и отправили къ помѣщику. Всѣ расходы по отправкѣ транспорта этихъ денегъ возложили на счетъ помѣщика.

Урокъ этотъ подѣйствовалъ тогда на многихъ.

Истинное счастье.

Въ 1844 году, во время пріѣзда въ Англію Императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ и узналъ въ числѣ прикоман-

дированныхъ къ нему лицъ одного изъ старѣйшихъ пажей королевы Викторіи, Кинерда, который прислуживалъ ему еще во время перваго посѣщенія Николая Павловича Великобританіи въ 1817 году, т. е. 27 лѣтъ ранѣе.

Когда Государь удалился вечеромъ, въ одиннадцать часовъ, въ свои комнаты, онъ снова увидѣлъ тамъ Кинерда и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ, сказалъ Николай Павловичъ. Былъ я тогда молодъ, и мы весело проводили съ вами время. Теперь я императоръ и дѣдушка. Вы думаете, что я счастливый человѣкъ потому, что я „великая особа“. Да, я счастливъ, но не потому, почему вы думаете, и покажу вамъ сейчасъ, въ чемъ заключается мое счастіе.

И Николай Павловичъ открылъ шкатулку и досталъ изъ нея миніатюрные портреты Императрицы и Великихъ Княженъ.

Вотъ,—сказалъ онъ,—источникъ моего счастія: жена и дѣти. Можетъ быть мнѣ и не слѣдовало бы этого говорить, но въ Петербургѣ нѣтъ красивѣе дѣвушки, чѣмъ моя дочь Ольга.

Инкогнито.

Съ отцемъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, а своимъ тестемъ, прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III Императоръ Николай Павловичъ находился въ большой дружбѣ и часто ѣздилъ къ нему въ Берлинъ, при чемъ нерѣдко совершалъ эти поѣздки подъ строгимъ инкогнито, по чужой подорожной, безъ всякой свиты,

Особенно тщательно онъ старался соблюсти свое инкогнито во время одной изъ такихъ поѣздокъ, когда своимъ появленіемъ въ Берлинѣ Императоръ Ни-

колай Павловичъ желалъ сдѣлать сюрпризъ своей супругѣ, гостившей въ то время у своего отца. Ѣхалъ онъ по казенной подорожной одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ.

На одной изъ почтовыхъ станцій инкогнито Государя чуть не было разоблачено смотрителемъ станціи. Подъѣхавъ къ станціонному зданію, Императоръ вышелъ изъ экипажа, вошелъ въ комнату и сталъ прохаживаться во ожиданіи разсчета камердинера съ смотрителемъ въ прогонныхъ деньгахъ и выжидая перепряжки лошадей.

Смотритель же, прочитавъ подорожную и увидавъ, что имѣетъ дѣло не съ обыкновеннымъ смертнымъ, почелъ своимъ долгомъ вручить подорожную знатному проѣзжему лично. Войдя въ комнату и увидавъ путешественника, онъ остолбенѣлъ отъ удивленія: предъ нимъ находился самъ Государь, котораго онъ зналъ въ лицо, такъ какъ видалъ не-

однократно во время прежнихъ проѣздовъ Императора заграницу.

— Готовы лошади? спросилъ его Николай Павловичъ.

— Такъ точно!—брякнулъ оторопѣвшій смотритель. Такъ точно, Ваше Императорское Величество!

— Глупый ты человѣкъ,—замѣтилъ ему Императоръ,—развѣ не видишь, кто записанъ въ подорожной?...

И съ этими словами Николай Павловичъ вышелъ со станціи къ экипажу.

Николай и Филаретъ.

Одно время былъ весьма распространенъ разсказъ о томъ, что будто бы Императоръ Николай I отвѣтилъ митрополиту Филарету: „Скажите ему что я не Петръ, а онъ не Митрофаніи“, когда митрополитъ отказался освящать тріум-

фальныя ворота въ Москвѣ потому, что на нихъ изображенъ „языческій богъ“— Марсъ на коняхъ.

Дѣло было совсѣмъ не такъ и Императоръ Николай поступилъ именно такъ, какъ поступилъ Петръ Великій.

Онъ послалъ къ митрополиту Филарету своего флигель-адъютанта, который доложилъ высокопреосвященному:

— Государю Императору благоугодно освятить завтра тріумфальныя ворота!

— Слышу,—отвѣчалъ митрополитъ, опустивъ взоръ долу.

— Государю Императору благоугодно, чтобы ваше преосвященство сами изволили быть на освященіи!

— Слышу, —отвѣчалъ высокопреосвященный въ той же задумчивости.

— Не будетъ ли какихъ распоряженій, ваше преосвященство? Что прикажите доложить Государю Императору?

— А что слышите, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ владыка.

Флигель-адъютантъ вернулся къ Государю и доложилъ, что не понимаетъ отвѣта митрополита Филарета, причемъ передалъ весь разговоръ свой съ владыкой слово въ слово.

— А! Такъ я понимаю,—сказалъ Императоръ. Приготовить лошадей! Я сегодня уѣзжаю.

Государь дѣйствительно уѣхалъ и на другой день открытіе тріумфальныхъ воротъ происходило въ его отсутствіи. Участіе церкви въ торжествѣ ограничилось тѣмъ, что полковой священникъ отслужилъ предъ войсками, собравшимися предъ тріумфальными воротами, молебенъ.

Оригинальная резолюція.

— Однажды въ Петербургѣ, на гауптвахтѣ, содержались подъ арестомъ два офицера — гвардейскій и морякъ. Ка-

раульный начальникъ, гвардейскій же офицеръ, другъ и пріятель арестованнаго гвардейца, отпустилъ его по знакомству съ гауптвахты на нѣсколько часовъ домой. Это показалось обиднымъ моряку, который, завидуя выпущенному на время офицеру сдѣлалъ доносъ объ отпускѣ арестанта.

— Военный судъ приговорилъ обоихъ гвардейскихъ офицеровъ къ разжалованію въ рядовые. При конфирмаціи приговора, Императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію:

«Гвардейскихъ офицеровъ перевести въ армію, а морскому за доносъ дать въ награду третное жалованье, съ прописаніемъ въ формуляръ, за что именно онъ эту награду получилъ».

Шутка.

Однажды прогуливаясь въ лѣсу, Императоръ Николай I пожелалъ перейти

чрезъ рѣчку, а моста не было. Оказавшійся вблизи крестьянинъ, предложилъ «генералу», за котораго онъ принялъ Государя, перенести его чрезъ рѣчку, а также и его адъютанта, сопровождавшаго Николая Павловича.

Перенеся благополучно Императора, крестьянинъ вернулся, взялъ на спину адъютанта, которымъ былъ генералъ Салтыковъ, и понесъ его на другой берегъ.

Вдругъ Императоръ Николай крикнулъ крестьянину:

— Сбрось этого господина въ воду и ты получишь пятьдесятъ рублей!

Сто получишь, если перенесешь меня! —кричитъ Салтыковъ.

— Пятьсотъ, только брось его!

— Тысячу, только перенеси поскорѣй!...

Крестьянинъ ничего не понимая изъ этихъ окриковъ, перенесъ адъютанта на другой берегъ. Какова же была его ра-

дость, когда онъ за этотъ небольшой трудъ получилъ въ награду тысячу рублей!...

Царь-отецъ.

Въ первый разъ холера появилась въ Москвѣ въ 1831 году. Болѣзнь эта, тогда почти еще не вѣдомая, вселила во всѣхъ неизмѣнимый страхъ, граничащій съ ужасомъ.

Какъ только Императоръ Николай Павловичъ получилъ извѣстіе о бѣдствіи, постигшемъ Москву, онъ немедленно рѣшилъ ѣхать въ первопрестольную столицу. Императрица Александра Ѳеодоровна умоляла его измѣнить свое намѣреніе и не подвергать опасности свою жизнь. Но Императоръ оставался неприклоненъ.

Видя, что убѣжденія не помогаютъ, Императрица привела въ кабинетъ Го-

сударя Великихъ Княженъ и трехлѣтняго Великаго Князя Константина, надѣясь, что, увидя своихъ дѣтей Императоръ отмѣнитъ свое рѣшеніе. Но Государь твердо ей сказалъ:

— У меня въ Москвѣ 300.000 дѣтей, которые погибаютъ!

Въ тотъ же день онъ выѣхалъ въ Москву.

Любезная почтмейстерша.

Совершая подъ строгимъ инкогнито поѣздку въ Берлинъ, Императоръ Николай Павловичъ былъ застигнутъ однажды вблизи пограничной станціи Таурогенъ проливнымъ дождемъ. Пріѣхавъ на эту станцію, онъ вошелъ въ станціонную комнату, чтобы обогрѣться и обсушиться. Комната была слабо освѣщена одною свѣчею; въ ней топилась печь, около которой и остановился Императоръ, при-

сутствія котораго никто не подозрѣвалъ.

Наканунѣ его пріѣзда сюда, сгорѣла почтовая контора, находившаяся противъ станціи, и почтмейстеръ съ семьею перебрался на временное жительство на станцію. Когда Государь вошелъ въ станціонную комнату, въ ней находилась жена почтмейстера за самоваромъ.

Увидавъ возможность напиться горячаго чаю, продрогнувшій Государь громкимъ и звучнымъ голосомъ спросилъ ее:

— Не могу ли я получить стаканъчаю?

Почтмейстерша обидѣлась и заголосила:

— Это еще что?. Какъ вы смѣете кричать на меня? Вишь ты какой! Влѣзъ въ комнату въ фуражкѣ, да еще командуетъ тутъ! Я-съ, милостивый государь, не какая нибудь! Я жена здѣшняго почтмейстера и не позволю всякому офицеру грубіянить мнѣ!..

И пошла-пошла голосить. Императоръ

стоялъ у печки и молча слушалъ ее. Въ это время въ комнату вошелъ сопровождавшій Государя генералъ-адъютантъ графъ Орловъ и въ удивленіи остановился на порогѣ. Почтмейстерша не унималась и кричала все сильнѣе и сильнѣе. Тогда графъ ей сталъ дѣлать знаки рукою, почтмейстерша накинулась и на него:

— А этотъ чего тамъ, киваетъ? Чего ему нужно? Нѣтъ, ужъ это черезъ-чуръ! Я пойду мужа позову!

И съ этими словами разъяренная почтмейстерша вылетѣла изъ комнаты.

Николай Павловичъ улыбнулся и сказалъ графу Орлову:

— Дѣлать нечего, не удалось напиться чаю. Поѣдемъ дальше.

И Государь со спутникомъ своимъ уѣхалъ. Ямщики, везшіе его до прусской границы, возвратились пораженные: мѣстные власти встрѣтили доставленнаго ими путешественника съ почетомъ, стан-

ція была иллюминована. Ямщики узнали тамъ, что они привезли самаго Государя.

Почтмейстеръ, узнавъ о томъ, кого такъ любезно приняла его жена, пришелъ въ ужасъ и ждалъ своей гибели. Но тревога была напрасная: никакихъ послѣдствій для почтмейстера изъ-за этой исторіи не послѣдовало.

Забота о солдатахъ.

Государь Николай Павловичъ былъ строгъ и не прощалъ нарушенія дисциплины, но въ то же время онъ былъ крайне заботливъ о положеніи солдатъ.

Разъ, во время войны съ Турціей, онъ осмотрѣлъ одинъ полкъ и удалился въ свою палатку. Начальствующіе всѣ также разошлись, а полкъ остался подъ ружьемъ на томъ же мѣстѣ. Стоялъ жаркій лѣтній день; солдаты были въ

ранцахъ и полной походной обмундировкѣ. Государь увидалъ изъ своей палатки, что солдаты совершенно напрасно мучаются, быстро вышелъ, схватилъ за руку перваго попавшагося офицера, который оказался адъютантомъ генерала Дибича Долинскимъ, и приказалъ вести себя въ палатку Дибича.

Послѣдняго онъ засталъ обливающимся водой. Между тѣмъ услыхавъ голосъ Государя, къ палаткѣ генерала скоро собрались всѣ генералы и офицеры. Государь съ большимъ гнѣвомъ сказалъ имъ:

- Всѣ предаются отдыху, а о бѣдныхъ людяхъ не подумали, что они въ ранцахъ и подъ ружьемъ, въ жару стоятъ!

— Ложись!

И вся команда легла.

Питомцы.

Однажды, во время прогулки по Большой Морской, Императоръ Николай I встрѣтилъ командира егерскаго полка барона С., который, разумѣется сдѣлалъ ему фронтъ. Государь остановился и спросилъ его:

— Ну, какъ поживаютъ твои питомцы?

Баронъ С. былъ страстный любитель птицъ и дома у него была масса соловьевъ и конареекъ. Думая, что Государь подъ питомцами разумѣетъ его птицъ, баронъ наивно отвѣчалъ:

— Старые поютъ, молодые учатся, Ваше Императорское Величество!

Ага! значитъ у тебя весело? Отлично! Я завтра утромъ заѣду къ тебѣ смотрѣть твоихъ питомцевъ.

— Чѣмъ Вашему Величеству трудиться, не лучше-ли я привезу ихъ къ Вамъ въ зимній дворецъ завтра утромъ?

— Какъ это привезешь ихъ? — изумился Государь.

— Въ клѣткѣ, въ открытой колескѣ.

— Да ты въ умѣ ли? Какъ же ты рѣшаешься моихъ солдатъ въ клѣткахъ возить? Что онѣ птицы что ли?—спросилъ Императоръ, ничего не знавшій о страсти барона С. къ воспитанію пѣвчихъ птицъ.

— Солдаты не птицы, а птицы не солдаты, Ваше Величество. Я не солдатъ собираюсь въ клѣткахъ вести, а моихъ питомцевъ.

— Да кто же твои питомцы?

— Соловьи и канарейки, Ваше Величество!

Да, вѣдь, я о солдатахъ тебя спрашиваю.

— Солдаты не мои питомцы, а питомцы Вашего Императорскаго Величества!—не растерялся баронъ С.

Государь улыбнулся и милостиво сказалъ:

— Смотри, однако, со своими питомцами ты не забудь и о моихъ питомцахъ.

Пойди прочь!

Въ одинъ изъ пріѣздовъ Государя Николая Павловича въ Кіевъ, его ожидали въ Лаврѣ. Но затѣмъ митрополиту было дано знать, что Государь въ Лавру не пріѣдетъ, а проѣдетъ прямо въ домъ генералъ-губернатора. Чрезъ нѣсколько времени вновь послали сказать преосвященному, что Государь сейчасъ ѣдетъ въ Лавру, гдѣ скоро будетъ.

Все засуетилось, начали торопиться застлать ковры, облачиться, зажечь свѣчи, вообще приготовиться къ встрѣчѣ. Еще не кончились приготовленія, какъ Императоръ вошелъ въ церковь. Въ это время старикъ монахъ зажигалъ свѣчи въ большомъ подсвѣчникѣ; Государь по-

дошелъ къ нему и, взявъ его сзади за локоть, сказалъ:

— Оставь! Не надо!

Монахъ, думая, что ему это говоритъ, кто-нибудь изъ братіи, незнающій о новомъ сообщеніи относительно пріѣзда Царя, не оборачиваясь, отвѣчалъ:

— Тебя не спрашиваютъ! Поїди прочь! Самъ знаю, что дѣлаю!

Государь улыбнулся и прошелъ дальше, а монахъ долго потомъ горевалъ, когда узналъ, что такъ дерзко отвѣтилъ обожаемому Царю.

Императоръ и Пушкинъ.

Однажды въ разговорѣ съ А. С. Пушкинымъ Императоръ Николай сказалъ ему:

— Мнѣ хотѣлось бы, что бы Нидерландскій король отдалъ мнѣ домикъ Петра Великаго въ Саардамѣ.

— А я въ такомъ случаѣ попросился бы у Вашего Величества туда въ дворники,—замѣтилъ Пушкинъ.

— Согласенъ, а пока назначаю тебя историкомъ Петра Великаго и даю позволеніе работать въ тайныхъ архивахъ.

Морякъ.

Государь Николай Павловичъ встрѣчаетъ на улицѣ пьянаго, выписывающаго ногами мыслете, моряка и спрашиваетъ его:

— Морякъ, ты это что же дѣлаешь?

— Лавирую, Ваше Величество!

— Откуда курсъ держишь?

— Изъ-подъ Невскаго, Ваше Величество!

— А гавань гдѣ?

— Въ Адмиралтействѣ!

— Велика ли качка?

— Надѣюсь судно доставить благополучно, Ваше Величество!

— Ступай, да смотри на мель не попади!

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество: первый большой валъ миновалъ, а второго *) надѣюсь не встрѣтить.

Горе отца.

Во время пребыванія Императора Николая I въ Лондонѣ, въ 1844 году, совершенно неожиданная и ужасная вѣсть пришла къ нему: любимая дочь его Великая Княгиня Александра Николаевна при смерти и желаетъ проститься съ вѣнценоснымъ отцемъ своимъ.

Онъ бросилъ всѣ дѣла свои и поспѣшилъ къ умирающей дочери. Великая Княгиня Александра Николаевна ро-

*) Т. е. Великаго Князя Михаила Павловича.

дила ребенка, тотчасъ же умершаго, и вскорѣ сама скончалась.

Похоронивъ дочь въ Церкви Петропавловской крѣпости, Николай Павловичъ, глубокою ночью перелистывалъ ея дневникъ и въ одномъ мѣстѣ рукописи прочиталъ:

„Сегодня въ первый разъ пѣла для папы романсъ «Ты отцвѣла уже юная роза".

Государь зарыдалъ и не могъ продолжать чтеніе.

Разжалованъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ былъ снаряженъ въ кругосвѣтное плаваніе транспортъ, „Байкалъ". Капитаномъ его былъ назначенъ капитанъ I ранга Геннадій Ивановичъ Невельской, который явился къ управляющему морскимъ

министерствомъ князю Меньшикову и просилъ его дозволенія произвести изслѣдованіе берега Охотскаго моря и устья рѣки Амура.

Морской Министръ заявилъ Невельскому, что разрѣшенія этого онъ дать не можетъ, потому что этимъ измѣнялась бы Высочайшая инструкція и маршрутъ плаванія „Байкала“. Невельской настаивалъ на своей просьбѣ, утверждая, что для выполненія его намѣренія не потребуется ни денегъ, ни лишняго времени. Князь Меньшиковъ не соглашался. Тогда Невельской просилъ его хотя не мѣшать ему.

Во время этого разговора присутствовалъ генералъ-адъютантъ графъ В. А. Перовскій, который замѣтилъ князю:

Да что тебѣ за дѣло? Если у него двѣ головы, пусть подставляетъ одну.

Князь Меньшиковъ махнулъ рукою и сказалъ:

— Какъ знаете, я не мѣшаюсь, но вѣдь его за это въ солдаты могутъ разжаловать...

Невельскоі стправился въ кругосвѣтное плаваніе, выполнилъ свое пламенное желаніе и съ важными добытыми имъ, свѣдѣніями объ Амурѣ и Охотскомъ морѣ вернулся въ Петербургъ къ назначенному сроку.

Не смотря на это, его потребовали въ комитетъ министровъ для объясненій, на какомъ основаніи онъ позволилъ себѣ самовольно измѣнить Высочайше утвержденный маршрутъ. Невельскоі заявилъ, что это онъ сдѣлалъ исключительно въ видахъ пользы отечества, но ему замѣтили:

— Все это хорошо, но что будетъ если всякій капитанъ 1-го ранга, руководствуясь пользою отечества, будетъ самовольно нарушать Высочайшія инструкціи?

Такъ какъ Невельскому объявлено въ комитетѣ министровъ, что за его поступокъ его можетъ ожидать разжалованіе, то онъ прямо оттуда отправился къ генералъ-адмиралу и разсказалъ ему все. Великій князь внимательно его выслушалъ и доложилъ объ этомъ Государю. Невельской былъ потребованъ къ Его Величеству.

Когда маленькая и худенькая фигура Невельского появилась въ кабинетѣ Императора, Николай Павловичъ взглянулъ на нее и сказалъ:

— Такъ это ты сочиняешь экспедиціи и измѣняешь утвержденныя мною инструкціи? А? Что—матросъ!? Матросъ! Мичманъ! Лейтенантъ! Капитанъ-лейтенантъ! Капитанъ 2-го ранга! Капитанъ 1-го ранга!

Затѣмъ Императоръ поцѣловалъ Невельскаго, надѣлъ ему на шею Владимірскій крестъ и милостиво отпустилъ.

Родственница.

Въ распутицу весною Императоръ Николай Павловичъ ѣхалъ по Невскому и обратилъ вниманіе, что всѣ кланявшіеся ему улыбались.

— Не забрызгало ли меня грязью?— спросилъ онъ кучера.

Чтобы посмотрѣть, кучеръ обернулся и увидалъ, что сзади саней прицѣпилась маленькая, лѣтъ девяти, дѣвочка, мокрая и грязная, въ старенькомъ платьицѣ. Государь повернулся къ дѣвочкѣ и она со страхомъ сказала ему:

— Дядюшка, не сердись!... Видишь какъ мокро, а я ужъ и такъ вся измокла.

Государь приказалъ остановить лошадь, посадилъ дѣвочку рядомъ съ собой и отвѣтилъ:

— Если я тебѣ дядюшка, то надо и тетушку тебѣ показать

Пріѣхавъ въ Зимній дворецъ, Нико-

лай Павловичъ повелъ дѣвочку къ Императрицѣ и сказалъ ей:

– Вотъ тебѣ еще новая родственница.

Государыня Александра Ѳеодоровна обласкала бѣдняжку и такъ какъ та оказалась круглой сиротой, опредѣлила ее въ домъ трудолюбія, положивъ на ея имя въ Опекунскій Совѣтъ 600 рублей на приданое.

Выпутался.

Князь Меньшиковъ очень часто по дѣламъ своимъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву. Возвратившись однажды изъ Москвы, которую дѣйствія новаго генералъ-губернатора Закревскаго повергали въ то время въ ужасъ, князь Меньшиковъ встрѣтился съ Графомъ Киселевымъ, который спросилъ его.

— Что новаго въ Москвѣ?

— Ужъ лучше не спрашивай: бѣдная Москва по истинѣ въ осадномъ положеніи.

Графъ Киселевъ разсказалъ объ этомъ своимъ знакомымъ, и вскорѣ отзывъ князя Меньшикова о Закревскомъ достигъ Государя. Онъ разсердился и позвалъ къ себѣ Меньшикова.

— Что ты тамъ совралъ Киселеву про Москву?—гнѣвно спросилъ его Николай Павловичъ.

— Ничего, кажется...

— Какъ ничего? О какомъ это осадномъ положеніи въ Москвѣ ты ему говорилъ?

— Ахъ, Боже мой!—отвѣчалъ князь. Киселевъ глухъ и вѣчно не дослышится. Я говорилъ ему, что Москва не въ осадномъ, а въ досадномъ положеніи.

Императоръ Николай улыбнулся, махнулъ рукой и ушелъ.

Царь-зодчій.

Въ день своей свадьбы, еще будучи Великимъ Княземъ, Николай Павловичъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Любовь къ строительному и инженерному дѣлу не покидала его въ теченіи всей жизни, и строительное искусство было любимою его спеціальностью. Не только будучи Великимъ Княземъ, но даже Императоромъ, Николай Павловичъ много работалъ по инженерному дѣлу, лично слѣдилъ за выполненіемъ построекъ, провѣрялъ смѣты и утвержденные имъ проекты и не ограничивался только поверхностнымъ осмотромъ казенныхъ зданій, но всегда входилъ въ детальныя техническія подробности, причемъ поражалъ всѣхъ своими знаніями, мѣткостью замѣчаній и вѣрностью взгляда.

Въ бытность въ Сѣверо-западномъ краѣ, Императоръ осматривалъ сдѣлан-

ныя по его повелѣнію постройки. Между прочимъ онъ подробно осмотрѣлъ новую казарму, передѣланную изъ упраздненнаго католическаго монастыря, и видимо остался ею доволенъ. Но вдругъ при входѣ въ одну изъ комнатъ, Николай Павловичъ остановился на порогѣ, нахмурился и недовольнымъ голосомъ спросилъ:

— Кто производилъ перестройку этой казармы?

Генералъ - Губернаторъ представилъ Государю производителя работъ.

— Почему здѣсь полъ покатъ?—спросилъ его Императоръ.

Инженеръ-строитель объяснилъ, что покатость пола зависитъ отъ того, что прежде въ этой казармѣ была школа и для удобства наблюденія за учащимся съ кафедры, полъ былъ сдѣланъ немного покатымъ, передѣлать же его оказалось невозможнымъ, потому что зданіе построено на сводахъ.

Государь остался доволенъ объясненіемъ и поблагодарилъ строителя.

Наказанный ростовщикъ.

Какимъ то образомъ Императоръ Николай I узналъ, что его лейбъ-кучеръ даетъ подъ проценты деньги офицерамъ. На другой же день Государь, сѣвъ въ сани, сказалъ кучеру ѣхать на Каменноостровскій проспектъ, гдѣ велѣлъ повернуть въ какой то глухой переулокъ, въ которомъ зимою ни души нельзя встрѣтить. Здѣсь онъ далъ волю своему гнѣву.

— Ты у меня ростовщикомъ сдѣлался! — крикнулъ онъ. Офицерамъ за проценты деньги раздаешь!

И спина виновника почувствовала физическую силу Государя.

— Я тебя туда сошлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ?—прибавилъ въ заключеніе Николай Павловичъ.

Этимъ дѣло и кончилось и потомъ никогда Государь ни говорилъ объ этомъ ни слова, зная, что проступокъ кучера послѣ такого нагоняя, повториться болѣе не могъ.

Христіанское смиреніе.

Хоронили какого то бѣдняка. На простыхъ дрогахъ лежалъ гробъ съ покойникомъ, котораго никто не провожалъ. Очевидно, что умершій не оставилъ послѣ себя наслѣдства и родственники его отсутствовали. Когда дроги съ покойнымъ выѣхали на Николаевскій мостъ случайно обогналъ ихъ Императоръ Николай. Увидавъ грустные похороны бѣдняка, Николай Павловичъ возмутился въ чувствахъ христіанина, вышелъ изъ коляски и, съ глубокимъ смиреніемъ, пошелъ за гробомъ безвѣстнаго

бѣдняка. Онъ даже не спросилъ объ его имени. Въ немъ видѣлъ онъ только усопшаго христіанина.

Легко вообразить стеченіе народа, который собрался немедленно за Государемъ. Всякій хотѣлъ раздѣлить честь сопровождать до могилы гробъ бѣдняка, котораго провожалъ самъ Императоръ. Едва ли и за гробомъ богача шло такъ много народа, какъ за гробомъ этого нищаго.

Царь и дѣти.

Въ Александріи, около сѣтки съ мачтой собралось однажды нѣсколько кадетовъ, игравшихъ въ жгуты. Къ нимъ подошелъ Государь Николай Павловичъ и принялъ участіе въ ихъ игрѣ.

Когда онъ нанесъ жгутомъ ударъ одному изъ кадетъ, его узнали. Вмѣсто

возмездія, опредѣленнаго правилами игры, Государь предложилъ побороть его. Дюжина кадетъ начала бороться съ Царемъ и, въ концѣ концовъ, мальчики его одолѣли. Императрица, на глазахъ у которой разыгралась эта сцена была очень довольна и отъ души хохотала.

Чрезъ нѣсколько времени, къ балкону, на которомъ она сидѣла подошли кадеты и Государыня начала спускать имъ на шнурочкѣ коробочки съ клубникой и малиной. Въ это время изъ дворца вышелъ Николай Павловичъ и, садясь въ кабріолетъ громко крикнулъ:

— Ребята, у васъ въ лагерѣ тревога!

Мальчики, какъ угорѣлые, бросились за Императоромъ, нѣкоторые даже вскочили въ его экипажъ. Государь на это не разсердился и даже шутя сказалъ:

— Вотъ погодите! Въ лагерѣ я пожалуюсь на васъ вашему начальству.

Блондинка и коварная брюнетка.

Будучи въ дорогѣ Императоръ Николай Павловичъ обогналъ однажды какую то военную команду, пѣшую, подъ начальствомъ молоденькаго офицера, стройно и въ образцовомъ порядкѣ. Государю это понравилось и, поровнявшись съ командою, онъ поздоровался.

На слѣдующей станціи онъ остановился для обѣда, въ ожиданіи котораго смотрѣлъ въ окно станціонной комнаты. Мимо его опять прошла та же команда и Государь приказалъ находившемуся съ нимъ флигель-адъютанту Гогелю позвать офицера, начальника команды.

Прапорщикъ, юный, почти ребенокъ, вошелъ сконфуженный къ Государю, весь въ пыли и поту. Императоръ ласково позвалъ его, спросилъ объ имени и фамиліи, поблагодарилъ за хорошую

службу и предложилъ ему отобѣдать вмѣстѣ съ собой.

Офицерикъ совершенно растерялся и не зналъ, какъ приняться за ѣду. Государь ободрилъ его и юноша постепенно успокоился и началъ ѣсть и пить все, что ему предлагали. Молодость и прогулка способствовали его аппетиту. Въ началѣ обѣда онъ говорилъ очень несмѣло, но стакана два добраго вина развязали ему языкъ. Онъ увлекся и на вопросы Государя о его житьѣ-бытьѣ пустился во всѣ подробности, забывъ, съ кѣмъ говоритъ и вызывая улыбки присутствовавшихъ.

Государь смѣялся, а офицерикъ, поощряемый этимъ смѣхомъ, шелъ дальше въ своихъ подробностяхъ. Государь уже зналъ всѣ интимныя стороны жизни и условій быта его въ уѣздномъ городкѣ; узналъ онъ, между прочимъ, что у казначея есть дочка, хорошенькая блондинка, въ которую влюбленъ офицерикъ, но

что у блондинки есть соперница, кова- ная брюнетка, которая его ревнует и т. д.

Наконецъ настало время Государю ѣхать дальше. Государь довольный юношей, прощаясь, подалъ ему руку и велѣлъ записать его фамилію.

Чрезъ нѣсколько времени скромный и безъизвѣстный працорщикъ нашъ былъ переведенъ Высочайшимъ приказомъ въ гвардію, и всякій разъ, когда онъ попадался на глаза Императору Николаю Павловичу—на смотрахъ или выходахъ—послѣдній всегда его узнавалъ и шутливо спрашивалъ:

— Что пишетъ тебѣ твоя возлюбленная блондинка и что подѣлываетъ ея ревнивая соперница?

Образцовый переводчикъ.

Въ Кутаисѣ, при областномъ правленіи, въ 1837 году занималъ должность переводчика нѣкто С. Е. Акоповъ. Когда Государь Николай I находился въ Кутаисѣ, онъ однажды вышелъ на площадь въ толпу мѣстныхъ жителей и пожелалъ поговорить съ ними, почему спросилъ:

— Кто изъ васъ говоритъ по русски?

Акоповъ выступилъ впередъ и отвѣтилъ:

— Я, ваше благородіе!

Государь улыбнулся и замѣтилъ:

— Ну, съ тобою, братъ, я вижу, немного разговоришься.

Царь-должникъ.

Въ Петербургѣ городскіе общественные дилижансы впервые появились въ

сороковыхъ годахъ, благодаря предпріимчивости директора 1-го кадетскаго корпуса барона К. А. Шлиппенбаха.

Появленіе этихъ омнибусовъ сдѣлалось событіемъ дня, очень понравилось публикѣ и каждый считалъ своею непремѣнною обязанностью прокатиться въ нихъ, чтобы, заплативъ гривенникъ за проѣздъ по Невскому, имѣть возможность поговорить съ знакомыми о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ при этомъ путешествіи.

Успѣхъ этого предпріятія, дешевизна и удобства путешествія въ омнибусахъ сдѣлались извѣстными Императору Николаю Павловичу и онъ пожелалъ лично убѣдиться въ этомъ. Гуляя однажды по Невскому и встрѣтивъ дилижансъ, онъ сдѣлалъ знакъ остановится и влѣзъ въ него. Хотя было тѣсно, но «городничему мѣсто нашлось» и Государь доѣхалъ до Адмиралтейской площади.

Здѣсь онъ хотѣлъ выйти, но кондукторъ его остановилъ:

— Позвольте получить гривенникъ за проѣздъ?

Николай Павловичъ оказался въ затруднительномъ положеніи: денегъ съ собою онъ никогда не носилъ, а изъ спутниковъ его никто не рѣшался или, быть можетъ, не догадался предложить ему свой кошелекъ. Кондуктору пришлось повѣрить въ долгъ русскому Царю.

На другой день въ контору дилижансовъ камеръ-лакей доставилъ десять копѣекъ съ приложеніемъ двадцати пяти рублей на чай кондуктору.

Честный служака.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ, въ Перми, управляющій имѣніями и заводами одного высокопоставленнаго лица.

человѣкъ жестокій, въ порывѣ злости убилъ человѣка. Подъ вліяніемъ владѣльца имѣній и путемъ подкупа, дѣло это замяли и въ судѣ, и въ палатѣ. Но въ послѣднемъ учрежденіи одинъ только засѣдатель Копыловъ не согласился съ общимъ мнѣніемъ, не будучи взяточникомъ.

О дѣлѣ этомъ дошло до свѣдѣнія Императора Николая Павловича и онъ послалъ, для секретнаго дознанія, своего флигель-адъютанта въ Пермь. Когда тотъ вернулся въ Петербургъ и доложилъ Государю, все какъ было въ дѣйствительности, Николай Павловичъ строго покаралъ виновныхъ, а засѣдателя Копылова повелѣлъ имѣть въ виду на должность губернатора.

Копыловъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Тобольскаго губернскаго правленія, а чрезъ годъ или два Енисейскимъ губернаторомъ.

Игры съ кадетами.

По приказанію Императора Николая Павловича, любившаго игры кадетъ, привозили къ нему въ Александрію, гдѣ онъ имѣлъ лѣтнее пребываніе, человѣкъ 50 изъ достойнѣйшихъ. Сопровождавшіе ихъ офицеры доходили только до рѣшетки и затѣмъ удалялись

Въ саду была устроена мачта, вокругъ которой расположена сѣтка на случай паденія кадетовъ съ веревокъ, по которымъ они лазили на эту мачту.

Однажды Императоръ Николай Павловичъ вспрыгнулъ самъ въ сѣтку и крикнулъ кадетамъ:

— Повалите меня!

Самъ ли онъ подался набѣжавшимъ на него кадетамъ, или дѣйствительно мальчики его уронили, но Государь очутился лежащимъ въ сѣткѣ, причемъ крикнулъ имъ:

— Какъ вы смѣли Императора повалить!

Кадеты бросились въ разсыпную, Императоръ же расхохотался.

Въ другой разъ, во время такихъ игръ, одинъ кадетъ слишкомъ быстро спускался по веревкѣ и, обжегши себѣ руки, упалъ, ударившись грудью о край сѣтки. Императоръ бросился къ нему, поднялъ его, разстегнулъ ему мундиръ и такъ какъ у мальчика показалась кровь изъ горла, позвалъ врачей, а затѣмъ отправилъ въ госпиталь.

Вдовствующая Императрица Марія Феодоровна замѣтила Императору:

Я говорила, Николай, что забавы эти не доведутъ до добра!

Государь блѣдный и очень разстроенный ушелъ во дворецъ и до полнаго выздоровленія ушибшагося кадета ежедневно навѣщалъ его въ госпиталѣ.

Старость не радость.

Къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ часто привозили во дворецъ институтокъ, которыхъ она угощала и старалась обласкать; нерѣдко при этомъ присутствовалъ и Императоръ Николай Павловичъ.

Однажды, при такомъ посѣщеніи институтокъ, ихъ угощали шоколадомъ, причемъ дѣвочки расположились на коврѣ. Вошелъ Императоръ, также сѣлъ на коврѣ съ ними и началъ разспрашивать о житьѣ-бытьѣ, семьѣ, о службѣ отцевъ ихъ и т. п.

А когда онъ всталъ съ пола, то сказалъ.

Эхъ, старость — не радость: садиться то легко, а вставать трудненько!

Голосъ въ люди вывелъ.

При посѣщеніи дворянскаго института въ Вильнѣ, Государь Николай Павловичъ обошелъ всѣ классы и затѣмъ направился въ лазаретъ. Въ дверяхъ лазарета его встрѣтилъ толстый подлекарь, зычнымъ голосомъ провозгласившій:

— Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству!

— Кто онъ?—спросилъ Николай Павловичъ у директора института, указывая на вытянувшагося въ струнку подлекаря.

Директоръ доложилъ.

— Молодецъ!—сказалъ Императоръ. А въ какомъ чинѣ?

— Чина не имѣю, Ваше Императорское Величество.

— Представьте его въ коллежскіе регистраторы,— обратился Государь къ директору института.

Подлекарь былъ на седьмомъ небѣ.

Ловушка.

Любимымъ мѣстомъ пребыванія Императора Николая Павловича былъ Петергофъ, улучшеніемъ и благоустроїйствомъ котораго онъ занимался съ особеннымъ вниманіемъ и любовью.

Между прочимъ Императоръ Николай выстроилъ тамъ сельскій домикъ, который назвалъ «Никольскимъ». Домикъ этотъ вполнѣ напоминалъ собою обыкновенное жилище русскаго зажиточнаго крестьянина. Дубовые скамьи и столы, бревеньчатыя стѣны, простая посуда, русская печь—все это было совершенно просто. Въ сѣняхъ висѣла, какъ виситъ и до сихъ поръ, солдатская шинель, которую Государь надѣвалъ, когда въ домикъ пріѣзжала Государыня кушать чаї. Онъ угощалъ ее здѣсь, какъ свою хозяйку.

При домикѣ былъ разведенъ садикъ,

имѣлось двѣ коровки, на случай, если бы Государыня захотѣли откушать молочка. Однимъ словомъ уютное мѣстечко это было устроено хотя и просто, но удобно и весьма правильно Государемъ, который любилъ, когда приближенные хвалятъ „Никольскій домикъ".

Узнавъ, что графъ П. Д. Киселевъ, проживавшій также въ Петергофѣ, въ министерскомъ домѣ, еще не видалъ этого домика, Николай Павловичъ сказалъ ему что онъ совѣтуетъ ему съѣздить и посмотрѣть. Но графу все былъ, недосугъ.

Государь неоднократно напоминалъ ему объ усадьбѣ своей, графъ же все извинялся, ссылаясь на недостатокъ времени, препятствующій ему видѣть ее. Наконецъ, когда Николай Павловичъ еще разъ поинтересовался узнать, какъ понравилась его солдатская усадьба графу Киселеву, послѣдній, находя уже неудобнымъ сознаваться, что онъ не видалъ, рѣшился солгать и сказалъ:

— Прелестна, Ваше Величество! Очень хороша!

— Не правда-ли,—сказалъ Государь.

— Точно такъ, Ваше Величество!

— А замѣтилъ ты, какъ эффектны оба дуба у воротъ?

— Нельзя не замѣтить, Ваше Величество,—прелестно!

— Ну, такъ ты солгалъ... Никакихъ дубовъ тамъ нѣтъ. И въ Никольскомъ значитъ ты не былъ. А потому въ наказаніе сейчасъ отсюда поѣзжай туда, осмотри все и вечеромъ пріѣзжай ко мнѣ разсказать, что ты видѣлъ и что тебѣ понравилось.

Вѣрно.

Передъ Крымской компаніей, когда англійскій посолъ откланивался Государю предъ своимъ отъѣздомъ въ Англію,

Николай Павловичъ твердо и съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ ему:

— Можетъ быть я надѣну трауръ по русскомъ флотѣ, но никогда не буду носить траура по русской чести.

Осчастливленный бѣднякъ.

Одинъ отставной полковникъ сильно заболѣлъ разстройствомъ нервовъ; семейные его пригласили врача, которымъ оказался лейбъ-медикъ Арндтъ, любимецъ Государя Николая Павловича. Арндта поразила убогая обстановка квартиры больного, жившаго вмѣстѣ съ большою, чуть не нищенски одѣтою семьею въ захолустьи Петербурга. Онъ поинтересовался узнать причины бѣдственнаго положенія полковника, такъ какъ самая обстановка его препятствовала леченію его нервной болѣзни.

Оказалось что и болѣзнь родилась, и безъисходная бѣдность пришла отъ одной причины: полковникъ былъ уволенъ со службы безъ всякихъ правъ.

Въ одно изъ утреннихъ посѣщеній дворца, лейбъ-медикъ Арндтъ разсказалъ о своемъ больномъ Государю. Николай Павловичъ принялъ это дѣло очень близко къ сердцу и приказалъ Арндту вылечить больного во чтобы то ни стало, помочь за его счетъ деньгами и, наконецъ, самъ потребовалъ себѣ на разсмотрѣніе дѣло объ увольненіи полковника въ отставку.

Найдя его невиннымъ, а, можетъ быть, просто пожелавъ его помиловать, Государь возвратилъ ему права и назначилъ крупную пенсію. Это возстановило здоровье полковника и послужило къ благосостоянію его семьи.

Справедливость.

Въ Восточную Сибирь, въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Н. Н. Муравьевъ, который вскорѣ по пріѣздѣ въ Иркутскъ обратилъ свое вниманіе на судьбу политическихъ ссыльныхъ „декабристовъ".

Уже многіе изъ нихъ отбыли свое наказаніе и проживали въ качествѣ ссыльно-поселенцевъ въ разныхъ городахъ и селахъ Иркутской и Енисейской губерній и Забайкалья, не имѣя правъ оставлять мѣста, назначеннаго имъ для жительства.

Тяжелое ихъ положеніе пожелалъ облегчить новый генералъ-губернаторъ и прежде всего открылъ для нихъ двери своего дома, принимая ихъ къ себѣ наравнѣ съ прочими, и даже самъ лично посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Это обстоятельство страшно сканда-

лизировало мѣстное общество. Неудовольствіе противъ Муравьева усилилось еще и тѣмъ, что онъ не стѣснялся съ иркутскими чиновниками-взяточниками и гладилъ ихъ далеко не по шерсти. Напримѣръ, онъ бросилъ прямо въ лицо докладъ одному изъ совѣтниковъ главнаго управленія, увидавъ, что докладъ этотъ былъ составленъ, изъ корыстныхъ побужденій, неправильно оправдывая виновную сторону.

Желая сломить и удалить пришедшагося не ко двору генералъ-губернатора мѣстный губернаторъ Пятницкій послалъ министру внутреннихъ дѣлъ доносъ о неприличномъ обращеніи генералъ-губернатора съ политическими ссыльными.

— Но ожиданія Пятницкаго далеко не оправдались. Въ отвѣтъ на его доносъ, мѣсяца чрезъ два, пришла къ нему отъ министра Л. А. Перовскаго бумага, адресованная ему не какъ губернатору, а

какъ уже частному лицу. А въ бумагѣ этой было между прочимъ написано слѣдующее:

„По докладѣ Его Величеству содержанія рапорта вашего о дѣйствіяхъ по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ непосредственнаго начальника вашего генералъ-губернатора Восточной Сибири, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: уволить васъ вовсе отъ службы.".

Самъ же Императоръ Николай Павловичъ о дѣйствіяхъ Н. Н. Муравьева относительно декабристовъ сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ:

— Наконецъ нашелся человѣкъ, который понялъ меня: понялъ, что я не ищу личной мести этимъ людямъ, а исполняю только государственную необходимость, и удаливъ преступниковъ отсюда вовсе не хочу отравлять ихъ участь тамъ.

Искусство—для всѣхъ.

Изъ-за границы въ Петербургъ была доставлена Мадонна Альба Рафаэля и затѣмъ, реставрированная художникомъ Бруни, была поставлена въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Государь Николай Павловичъ зашелъ въ Эрмитажъ и показалъ эту картину Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которой она настолько понравилась, что Ея Величество выразила желаніе имѣть ее въ своемъ кабинетѣ.

— Ну, нѣтъ! Это жирно будетъ!—замѣтилъ въ шутку Императоръ. А вотъ онъ для тебя сниметъ копію,—прибавилъ онъ, указывая на художника Бруни,—она не уступитъ подлиннику. А этой картинѣ мѣсто здѣсь, чтобы она была доступна всему обществу.

Бруни списалъ для Императрицы копію.

Вдохновеніе дорого.

Императоръ Николай Павловичъ покровительствовалъ художникамъ, дорожа ихъ вдохновеніемъ.

Однажды онъ зашелъ въ студію знаменитаго художника Брюлова и, узнавъ, что тотъ, затворившись, пишетъ, приказалъ не отрывать его отъ дѣла.

— А я зайду въ другой разъ, сказалъ Императоръ.

Закуска, но безъ обѣда.

Предъ началомъ Крымской компаніи когда Россіи приходилось вступать въ борьбу съ войсками чуть ли не всей Западной Европы, Императоръ сознавалъ всю трудность положенія, но не терялъ ни самообладанія, ни присутствія духа, позволяя себѣ иногда даже шутки.

Однажды ему доложили, что англійскій вице-адмиралъ Непиръ похвалялся на обѣдѣ, данномъ въ честь его въ Лондонѣ, что онъ возьметъ Кронштадтъ, позавтракаетъ въ немъ и къ обѣду поспѣетъ въ Петербургъ, гдѣ и откушаетъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Государь Николай Павловичъ сказалъ:

— Въ Кронштадтъ милости прошу Непира, тамъ ужъ приготовлена для него закуска, а на счетъ обѣда въ Зимнемъ дворцѣ сказать ему, что въ тотъ день меня дома не будетъ.

Самый лучшій паспортъ.

Осенью 1832 года Императоръ Николай Павловичъ назначилъ Высочайшій смотръ 4 резервному кавалерійскому корпусу близъ города Чугуева, куда направился и самъ.

Подъѣзжая къ Чугуеву въ коляскѣ шестерикомъ, Государь приказалъ свернуть съ большой дороги на проселокъ, желая заѣхать въ госпиталь. Но на дорогѣ встрѣтилось неожиданное препятствіе. На мостикѣ, по которому должна была проѣхать коляска Императора чрезъ канаву, стоялъ высоко нагруженный возъ хохла.

Фельдъегерь, бывшій при Государѣ и ямщикъ попытались сдвинуть съ мѣста возъ, но безуспѣшно. У ярма сломались засовы и волы не могли оказать помощь усиліямъ людей сдвинуть препятствіе; они лежали на землѣ, безъ упряжи, а хохолъ строгалъ ножемъ запасные засовы, пригоняя ихъ къ ярму. Видя, что фельдъегерь и ямщикъ трудятся напрасно, онъ закричалъ имъ:

— Да трывайте лышень трохи! зараз справимъ!

Государь вышелъ изъ коляски и подошелъ къ крестьянину, спросилъ его:

— Что у тебя на возу?

Тотъ взглянулъ на Государя, бывшаго въ шинели, приподнялъ бывшую на головѣ барашковую шапку, передвинулъ ее на затылокъ и отвѣчалъ, не оставляя своей работы:

— Здоровъ булъ, ваше благородые! Виноградъ!

— Куда же ты везешь?

— Да до слободы, пане.

— Домой?

— Э, ни,—продать.

— Что-жъ не въ городъ везешь? Тамъ теперь много военныхъ пріѣхало.

— Се мы чуяли; тамъ кажутъ, что и Царь буде, та одже нельзя.

— Отчего же нельзя?

— Казавъ нельзя, воно-жъ такъ и е!—сказалъ малороссъ и сталъ примѣрять засовъ къ ярму.

— Да почему же нельзя? Скажи!—не отставалъ отъ него Государь.

— Ни къ чему мини казать, ни вамъ слухать. Вы, ваше благородые, мини ни поможешь!

— А можетъ быть и помогу?

Хохолъ покачалъ головою и грустно отвѣтилъ:

— Ни! Мини панъ комыссаръ чиловикъ свій, да и тій не поможе.

— Вотъ какъ! А ты все-таки разскажи!

Хохолъ наклонился къ Государю и полушепотомъ сказалъ ему:

Бачь, —шкода зробилась: паспортъ загубивъ.

— Потерялъ?—переспросилъ его Государь.

— Эге!

— Ну, этому я помогу! Тебя какъ звать?

— Да маты казала Ничипаръ, пане!

Государь обратился къ кому-то изъ сопровождавшихъ его приближенныхъ и сказалъ:

— Напишите, что я желаю, чтобы потерявшему паспортъ малороссіянину

Никифору былъ выданъ вмѣсто потерянаго таковой же безплатно.

Записку изготовили. Императоръ написалъ внизу ея: „Николай I“ и далъ ее хохлу, уже окончившему работу и вырядшему воловъ.

— Вотъ тебѣ записка. Въ казначействѣ у меня есть знакомые, родные; отдай ее казначею и тебѣ выдадутъ паспортъ.

— Добрже дякую, ваше благородье! А маботь чы не можно подъяковать пана виноградомъ?

— Нѣтъ, ты лучше скорѣе очисти дорогу!

— Ажъ ось, зараз, пане!

И малоросс, крикнувъ на воловъ, двинулся чрезъ мостъ и свернулъ на дорогу къ городу. Государь тронулся въ путь.

Хохолъ, пріѣхавъ въ Чугуевъ, направился къ казначейству остановился около него и вошелъ по лѣстницѣ. Здѣсь

онъ встрѣтилъ какого-то молодаго чиновника, который закричалъ на него:

— Куда ты лѣзешь? Пошелъ прочь!

Малороссъ остановился и заявилъ:

— Якійсь панъ, ихавъ по велыкому шляху, казавъ, що у его тутечка родичи и давъ мини запысочьку; такъ подывытесь, що воно таке?

Чиновникъ взялъ записку и, увидавъ подпись, бросился съ нею въ казначейство. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ служащіе въ казначействѣ уже были на лѣстницѣ посмотрѣть на хохла, а казначей подалъ ему новый паспортъ. Хохолъ, крайне удивленный, взялъ паспортъ и сказалъ:

— Отъ се-жъ на вдыво вижу! Що се за недобра маты! Создателю! Було першъ казначееви гроши, карбованаго дашь, та и тогда ще паспорта нема: а се ихавъ якійсь то панъ, давъ мини запысочьку,— пашпортъ е, що воно таке?

— Да ты знаешь ли, кто тебѣ записку далъ?—спросили его.

— Ни, а кто?

— Самъ Императоръ!

— Якъ! Царь! Его Императорско Велычество! Отъ же я дурень! Дурень! Такъ отъ же вамъ тій паспортъ—сказалъ хохолъ, протягивая казначею обратно паспортъ—возмыте его лышень назадъ, винъ мини не треба; виддайте мыни ту мою записочку, бо я съ тымъ паспортомъ тылки до города, а съ тої грамоткой, запысочькой, я скрызь свiтъ пройду, ажъ отъ самаго Батурина та до Кіева.

Остроумная мѣра.

Въ тридцатыхъ годахъ Россію посѣтилъ страшный неурожай. Облегчить тяжелыя его послѣдствія для народа—была одна изъ самыхъ близкихъ сердцу Императора Николая Павловича задачъ.

Онъ не останавливался предъ расходами для пониженія цѣнъ на хлѣбъ, разрѣшилъ безпошлинный ввозъ его изъ-за границы, пріостановилъ сборъ податей и рекрутскіе наборы и отпустилъ большія суммы, на покупку зерна для обсѣмененія полей.

Въ это самое время доложили Императору, что одинъ крупный хлѣботорговецъ, закупивъ заблаговременно громадное количество хлѣба, продаетъ его по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ. Государь послалъ къ нему флигель-адъютанта предложить, не можетъ ли онъ понизить цѣну на хлѣбъ.

— Не могу, — отвѣчалъ купецъ, — я самъ дорого заплатилъ за хлѣбъ, нельзя же мнѣ торговать въ убытокъ.

Когда доложили этотъ отвѣтъ Николаю Павловичу, онъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я не хочу насиловать торговлю и разорять бѣднаго человѣка, но я требую, чтобы онъ не

смѣлъ продать ни одной четверти хлѣба ниже назначенной имъ цѣны.

Въ тоже время Государь приказалъ открыть мелочную продажу хлѣба изъ казенныхъ складовъ по заготовительнымъ цѣнамъ.

Купецъ-кулакъ остался при своемъ хлѣбѣ и понесъ громадные убытки.

Ослушникъ.

Во время большихъ маневровъ въ 1843 году, при отступленіи отъ Нарвы въ аріергардѣ находился Преображенскій полкъ. Стояла палящая іюльская жара. Солдаты утомились и было очень много отсталыхъ.

Государь Николай Павловичъ, увидавъ одного упавшаго Преображенца, приказалъ немедленно найти врача и пустить больному кровь.

Быстро явился полковой врачъ Соколовъ и началъ приводить солдата въ чувство. Не успѣлъ онъ еще этого сдѣлать, какъ прискакалъ флигель-адъютантъ князь Васильчиковъ и спросилъ по порученію Государя:

— Пущена ли больному кровь?

— Нѣтъ, не пущена,—отвѣчалъ докторъ.

— Государь приказалъ сейчасъ же пустить кровь, какъ доложить Государю?

— Доложите,—отвѣчалъ докторъ,—что я приведу въ чувство больного безъ кровопусканія и отвѣчаю за его жизнь.

Онъ скоро привелъ солдата въ сознаніе и посадилъ въ фургонъ и, вмѣстѣ съ нимъ догнавъ полкъ, выпустилъ его въ ряды солдатъ, но освободивъ его отъ всякой ноши и въ разстегнутомъ мундирѣ.

Императоръ Николай Павловичъ въ это время пропускалъ мимо себя полки. Когда поравнялся съ нимъ лазаретный обозъ, Его Величество приказалъ позвать къ себѣ доктора Соколова.

— Живъ ли больной, которому я два раза велѣлъ тебѣ пустить кровь?

— Живъ и здоровъ, Ваше Величество! — отвѣчалъ взволнованный неожиданнымъ вызывомъ докторъ!

— Но ты, конечно, пускалъ ему кровь?

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество!

— Какъ же ты могъ меня ослушаться?—спросилъ доктора Государь нахмурившись.

— Въ моментъ пріѣзда князя Васильчикова,—отвѣчалъ докторъ,—я уже былъ убѣжденъ, что кровопусканія не нужно, а кровопусканіемъ я сдѣлалъ бы солдата дѣйствительно больнымъ, требующимъ госпитальнаго леченія. Исполнивъ свое медицинское дѣло по совѣсти и убѣжденію, я этимъ самымъ исполнилъ волю и желаніе Вашего Величества, непрестанно заботящагося о здоровьѣ солдатъ.

Государь милостиво улыбнулся, потрепалъ доктора по плечу и сказалъ:

— Спасибо, голубчикъ, что меня не послушался!

Спасеніе жизни.

Въ ночь на 5 Апрѣля 1848 года, въ Петербургѣ на Болотной улицѣ возникъ сильный пожаръ, во время котораго изъ третьяго этажа горѣвшаго дома спасавшіе имущество хотѣли выбросить нѣсколько тяжелыхъ столярныхъ верстаковъ прямо на улицу. Не смотря на обычную въ подобныхъ случаяхъ суматоху и общую растерянность, одному изъ хлопотавшихъ у верстаковъ, пришло въ голову, что улица предъ горѣвшимъ домомъ полна народа, и что выброшенные верстаки могутъ убить кого-нибудь.

Не долго думая, онъ выскочилъ на

улицу, чтобы предупредить несчастіе. На самомъ опасномъ мѣстѣ предъ роковыми окнами, дѣйствительно стоялъ какой-то военный, не предчувствуя что чрезъ моментъ на улицу полетятъ верстаки...

Крестьянинъ выскочившій изъ дома, обратился къ этому военному съ предостереженіемъ:

— Ваше благородіе,—посторонитесь!

Но военный или не слыхалъ этихъ словъ, или не понялъ ихъ, и не шевельнулся. Тогда крестьянинъ, видя, что жизнь незнакомца подвергается скорой и неминуемой опасности, схватилъ его за капюшонъ шинели и силой сдвинулъ его съ мѣста, говоря:

— Баринъ, уйди—убьютъ!

Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ изъ окна вылетѣлъ огромный верстакъ и разбился въ дребезги, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго только что удалилъ крестьянинъ военнаго.

Офицеръ снялъ фуражку перекрестился, остановилъ своего неожиданнаго спасителя и, поцѣловавъ его, приказалъ чтобы онъ явился къ нему во дворецъ.

— Да гдѣ же мнѣ найти тамъ васъ, ваше благородіе?

— Приходи же—это говоритъ съ тобою Государь!—сказалъ крестьянину другой военный, находившійся около.

Дѣйствительно крестьянинъ, оказавшійся крѣпостнымъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Сенявина, Сергѣемъ Титовымъ, спасъ жизнь самому Императору Николаю Павловичу. Онъ былъ сторожемъ въ Никольской единовѣрческой церкви на Грязной (теперь Николаевская) улицѣ.

Государь подарилъ ему дорогіе золотые часы, а П. Г. Сенявинъ, узнавъ о случившемся, немедленно отпустилъ Титова на волю.

Старый генералъ.

Комендантомъ Новогеоргіевской крепости состоялъ артиллерійскій генералъ Федоренко, старикъ, не привыкшій молчать, видя не справедливость.

Однажды Государь разгнѣвался на маневрахъ на одну изъ батареи, но Федоренко храбро и горячо защищалъ ее, не удерживаемый гнѣвомъ Николая Павловича, который наконецъ согласился съ генераломъ, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Ну, полно, помиримся!

Федоренко былъ очень старъ и однажды Императору Николаю Павловичу доложили, что пора уволить его отъ службы за старостью лѣтъ.

— Федоренко умретъ у меня на пушкѣ!—отвѣчалъ Императоръ.

Дезертиръ.

Прогуливаясь въ Петергофѣ въ колескѣ, Императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ около моря солдата, идущаго босикомъ. Онъ остановился и спросилъ, почему онъ безъ сапогъ.

Солдатъ растерялся и давалъ уклончивые и безсвязные отвѣты. Тогда Государь спросилъ, гдѣ тотъ служитъ. Солдатъ отвѣтилъ, что при телеграфѣ. Николай Павловичъ приказалъ ему сѣсть въ коляску въ ногахъ и повезъ его на телеграфъ, но тамъ солдата не признали.

Государь повезъ его въ другое мѣсто, которое солдатъ назвалъ мѣстомъ своего служенія, но и тутъ заявили, что онъ никому не извѣстенъ. Тогда солдатъ бросился въ ноги Государю и со слезами сталъ просить прощеніе, заявивъ, что онъ бѣжалъ со службы.

Раскаяніе несчастнаго солдата было очевидно, а страхъ испытанный имъ, пока его возилъ Государь, былъ такъ великъ, что Николай Павловичъ пожалѣлъ его и всемилостивѣйше помиловалъ пойманнаго имъ самимъ дезертира.

Выговоръ.

Во время Венгерской компаніи вошли въ лавку русскій и австрійскій офицеры. Русскій заплатилъ за покупку золотомъ, а австріецъ въ уплату предложилъ ассигнацію. Торговка отказалась принять бумажку и, указывая на русскаго офицера, сказала:

— Вотъ какъ платятъ господа!

— Хорошо имъ платить золотомъ,— возразилъ австрійскій офицеръ,—когда ихъ наняли за насъ сражаться.

Русскій офицеръ справедливо оскор-

бился такимъ заявленіемъ, вызвалъ австрійца на дуэль и убилъ его.

Когда Императору Николаю Павловичу донесли о случившемся, онъ сказалъ:

— Русскому офицеру сдѣлать строгій выговоръ за то, что онъ въ военное время подвергалъ опасности жизнь свою: онъ долженъ былъ тутъ же на мѣстѣ убить австрійца.

Тѣлохранитель.

Императоръ Николай Павловичъ проѣзжалъ отъ города Обояни къ станціи Кочетки. Стояла жаркая погода. Неожиданно послышались сзади экипажа колокольчики, и вдругъ тройка лошадей, на всемъ скаку, обогнала Государя, чуть не задѣвъ его коляску тарантасомъ и обдавъ Его Величество густымъ облакомъ пыли.

Государь разсердился, остановилъ своихъ лошадей и, дождавшись ѣхавшаго сзади его фельдъегеря, приказалъ ему догнать и представить къ нему дерзкаго сѣдока.

А сѣдокъ этотъ былъ приставъ 2 стана Обоянскаго уѣзда Миллеръ. Онъ догадался, что дѣло его плохо и предъ въѣздомъ въ деревню Кочетовку, отрѣзалъ отъ дуги колокольчики, свернулъ въ ближайшій лѣсокъ, скрылся гдѣ-то на крестьянскомъ огородѣ, зарывшись въ солому и, думая отсидѣться такъ, пока не уѣдетъ Государь.

Между тѣмъ, пока Государь останавливался, ожидалъ фельдъегеря, отдавалъ ему приказанія—время шло, и фельдъегерь, какъ ни гналъ лошадей, не могъ нагнать упущеннаго времени и достигнуть бѣглеца. Когда Государь пріѣхалъ въ Кочетовку и узналъ, что приказаніе его не исполнено, онъ сильно разсердился, приказалъ посадить фельдъегеря подъ арестъ,

а сопровождавшему его графу Орлову велѣлъ узнать во что бы то ни стало, кто былъ проѣзжій, присовокупивъ, что онъ не тронется со станціи, пока этого не будетъ выполнено.

Графъ Орловъ вышелъ со станціи въ толпу народа, стоявшую на улицѣ по случаю пріѣзда Государя, и началъ разспрашивать, кто проѣхалъ черезъ деревню предъ самымъ проѣздомъ Государя. Но оказалось, что никакого проѣзжаго никто не видалъ. Графъ настаивалъ, ссылался на желаніе Государя непремѣнно знать это; наконецъ, объявилъ, что Государь не уѣдетъ, пока не узнаетъ, кто обогналъ его.

Въ толпѣ находился письмоводитель Миллера, ѣхавшій съ нимъ вмѣстѣ и присланный имъ въ деревню узнать, что тамъ происходитъ. Видя, что дѣло его начальника плохо, онъ побѣжалъ къ нему на огородъ и разсказалъ все, что слышалъ.

Миллеръ рѣшился явиться Государю. Задними ходами онъ прокрался къ себѣ на квартиру, передѣлся въ мундиръ и, явившись къ почтовой станціи, остановился на крыльцѣ.

Вскорѣ вышелъ изъ комнаты графъ Орловъ, которому приставъ развязно представился, объявилъ, что онъ становой и имѣлъ счастіе обогнать коляску Государя на обывательскихъ лошадяхъ.

Миллеръ имѣлъ весьма комичную фигуру: былъ маленькаго роста, худенькій, одна нога была у него короче другой, отчего онъ сильно ковылялъ; въ своемъ мундирѣ съ фалдочками и въ допотопной треугольной шляпѣ, въ которой тонула его голова и часть лица, онъ возбуждалъ смѣхъ со строны непривычнаго зрителя.

Очевидно, что графъ Орловъ пожалѣлъ несчастнаго смѣшного становаго. Онъ сдѣлалъ ему выговоръ за неприличный поступокъ и, приказавъ ожидать своей участи, пошелъ доложить о явкѣ

виновнаго Государю. Но графъ не сразу сообщилъ объ этомъ Николаю Павловичу, а сперва привелъ его въ хорошее расположеніе разсказами и пріятными воспоминаніями изъ прошлаго, а затѣмъ сказалъ о Миллерѣ.

— Позвать его сюда!—приказалъ Императоръ.

Миллеръ вошелъ въ комнату и, приложивъ руки къ своей необъятной пляпѣ, громко отрапортовалъ:

— Вашего Императорскаго Величества коллежскій регистраторъ, приставъ 2 стана Обоянскаго уѣзда Миллеръ. Въ станѣ все обстоитъ благополучно!

Государь, увидавъ возбуждающаго смѣхъ фигурку Миллера и выслушавъ его рапортъ, едва удержался отъ хохота.

— Ты обогналъ меня и обдалъ пылью?—спросилъ онъ бойкаго пристава.

— Я, Ваше Императорское Величество!

— Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать?—грозно крикнулъ на него Государь.

— По долгу службы, Ваше Императорское Величество, какъ вѣрноподданный, обязанъ и денно и нощно охранять спокойствіе моего Государя, не щадя живота своего до послѣдней капли крови.

Государь уже не могъ удержаться отъ смѣха, услыхавъ такую курьезную рѣчь. Онъ отвернулся отъ Миллера, чтобы тотъ не увидалъ его смѣха и, послѣ нѣкоторой паузы, сказалъ:

— Вотъ я тебѣ, хромоногій тѣлохранитель, велю другую ногу оторвать!

Миллеръ и тутъ не разстерялся, а звонко отвѣтилъ:

— Радъ стараться, Ваше Императорское Величество!

Императоръ, не смотря на него, крикнулъ:

— Пошелъ вонъ!

Миллеръ выкатился на крыльцо съ сіяющей физіономіей.

Когда Государь, уѣзжая, садился въ

коляску, онъ снова увидалъ Миллера около экипажа и сказалъ ему:

— Эй, ты, тѣлохранитель, садись вонъ тамъ и храбро охраняй Царя!

Становой заковылялъ, взобрался на заднее сидѣнье коляски рядомъ съ царскимъ камердинеромъ, и коляска уѣхала.

Такъ онъ доѣхалъ до города Бѣлгорода. Отсюда, по повелѣнію Государя онъ былъ отправленъ, подъ надзоромъ частнаго пристава, въ Курскъ къ губернатору. Изъ рапорта Бѣлгородскаго городничаго, препроводившаго подъ арестомъ Миллера къ губернатору, не было видно вины Миллера, и потому губернаторъ приказалъ ему жить у него въ домѣ, ожидая разъясненій такого небывалаго случая.

Миллеръ прожилъ такимъ образомъ у губернатора три мѣсяца, получая жалованье и ничего не дѣлая. Наконецъ, на рапортъ губернатора, что дѣлать съ

Миллеромъ, графъ Орловъ сообщилъ ему, что Государь повелѣлъ отпустить его къ мѣсту служенія.

Дорогое молчаніе.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ царствованія Императора Николая Павловича, евреи ловко обходили законъ о рекрутскомъ наборѣ тѣмъ, что платили громадныя деньги за рекрутовъ и выбирая гильдейскія повинности. Вся тяжесть отбыванія воинской повинности лежала такимъ образомъ на русскихъ.

Адмиралъ графъ Мордвиновъ, отличавшійся неподкупною честностью, убѣдилъ Государя своими основательными доводами брать рекрутовъ съ евреевъ обязательно натурою. Государь для окончательнаго рѣшенія этого вопроса приказалъ собрать совѣщаніе изъ высшихъ сановниковъ государства.

Евреи, узнавъ объ этомъ и сознавая ужасъ грозящей имъ участи, наложили на себя постъ и сборы экстраординарныхъ пожертвованій. За нѣсколько дней до засѣданія къ Мордвинову явилась еврейская депутація и предложила ему 200.000 рублей только за то, чтобы онъ молчалъ на предстоящемъ совѣщаніи.

— Если вы даете мнѣ этотъ капиталъ только за мое молчаніе, я беру его и даю вамъ слово, что во все время разсужденій въ совѣщаніи я буду молчать.

Обрадованные евреи удалились, полные розовыхъ надеждъ.

Въ назначенный день въ совѣщаніи присутствовалъ Государь. Члены совѣщанія распинались всѣми силами своего краснорѣчія за необходимость освободить евреевъ отъ отбыванія воинской повинности натурою, приведя въ доказательство, что они негодны для этого, что они попортятъ своимъ примѣромъ армію и т. п. Молчалъ только одинъ Мордвиновъ.

Государь сперва съ недоумѣніемъ обратилъ вниманіе на странное поведеніе графа, точно набравшаго въ ротъ воды, но когда молчаніе его продолжалось ненарушимо, вспылилъ и рѣзко сказалъ его

— По твоему же совѣту я возбудилъ этотъ вопросъ, а теперь когда всѣ противъ твоего предложенія ты самъ молчишь. Что это значитъ?

— Я Ваше Величество, далъ обѣщаніе молчать и за одно только мое молчаніе евреи дали мнѣ 200.000 рублей. Сколько же получили остальные, распинаясь за евреевъ?

При этихъ словахъ Мордвиновъ вручилъ Государю полученныя имъ отъ евреевъ деньги.

Императоръ Николай Павловичъ поблагодарилъ графа Мордвинова, расхохотался и закрылъ курьезное засѣданіе. Еврейскія же деньги онъ приказалъ отдать въ инвалидный капиталъ.

Интересная перчатка

При встрѣчѣ прибывшаго въ Брестъ-Литовскъ Государя Николая Павловича управляющій комисаріатской частью рапортуетъ Его Величеству:

— Имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству доложить, что въ складахъ комисаріатской коммиссіи по настоящее число имѣется на лицо: холста подкладочнаго 38.453 аршина, холста рубашечнаго 182.208 аршинъ, сукна чернаго мундирнаго 16.586 аршинъ, сукна сѣраго и т. п.

Держа руку подъ козырекъ во время рапорта, управляющій все время косился на свою руку, одѣтую въ бѣлоснѣжную перчатку. Дѣло въ томъ, что не надѣясь на свою память, онъ записалъ всѣ необходимыя цифры на этой перчаткѣ съ внутренней стороны пальцевъ.

Государь замѣтилъ эту продѣлку и, по окончаніи рапорта, сказалъ:

— Спасибо! Но дай мнѣ свою перчатку на память.

Сконфуженный управляющій принужденъ былъ снять съ руки злополучную перчатку и отдать ее Государю.

Случай этотъ, конечно, не имѣлъ для него никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

Снисходительность.

Однажды въ пакетъ, который посылался Государю Николаю Павловичу изъ Комитета Министра, регистраторъ положилъ по ошибкѣ, вмѣсто доклада листъ бумаги, на которомъ пробовались перья.

Ошибка вскорѣ была обнаружена и объ ней доложили статсъ-секретарю Суковкину, который и поѣхалъ къ Государю. Пакетъ нашли уже на столѣ Им-

ператора: онъ его отдалъ Суковкину, улыбнулся и сказалъ:

— Тотъ только не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.

Въ маскарадѣ.

Императоръ Николай Павловичъ очень любилъ посѣщать маскарады въ дворянскомъ собраніи. Однажды какая-то женская маска подошла къ нему во время маскарада и, между прочимъ, спросила:

— Знаете ли, Государь, что вы самый красивый мужчина въ Россіи?

— Это я не знаю,—отвѣчалъ Императоръ,—но ты должна знать, что этотъ вопросъ касается единственно моей жены.

Строгое наказаніе.

Вслѣдствіе частыхъ поѣздокъ своихъ по шоссе отъ Петербурга до прусской

границы, Императоръ Николай Павловичъ привыкъ къ лицамъ станціонныхъ смотрителей и ямщиковъ, зналъ многихъ по имени, а съ однимъ ямщикомъ, поляком, по имени Яномъ, любилъ во время ѣзды поговорить. Ямщикъ, не стѣсняясь, рѣзалъ всю правду Государю.

Но въ одинъ изъ поѣздокъ, когда Государь шутливо заговорилъ съ Яномъ, послѣдній оказался неразговорчивымъ, видимо имѣя что-то на душѣ.

Государь, пріѣхавъ на станцію, спросилъ Яна, что съ нимъ, не случилось ли чего съ нимъ или у него. Ямщикъ мялся на мѣстѣ, вертя въ рукахъ свою шапку.

- Не бойся, говори! поощрялъ его ласково Государь.

— Ваше величество сдѣлались очень скупы,—вдругъ заявилъ наивно старикъ и затѣмъ объяснилъ, что прежде царскимъ ямщикамъ отпускалось за проѣздъ на водку по червонцу, а форрейторамъ по рублю, а теперь ямщики стали полу-

чать только по рублю, а форрейторы лишь по полтиннику!

— Это почему такъ?—спросилъ удивленный Государь у графа Орлова и приказалъ ему узнать, въ чемъ дѣло.

Графъ Орловъ изъ разспросовъ узналъ, что пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ Государя старшій его камердинеръ, на обязанности котораго лежала раздача денегъ, прикарманивалъ большую ихъ часть къ себѣ. Государь, узнавъ объ этомъ отъ графа Орлова, приказалъ позвать къ себѣ камердинера.

— Мошенникъ!—закричалъ на него Императоръ.

Камердинеръ упалъ въ ноги и сталъ просить прощенія, но Государь оттолкнулъ его ногою и приказалъ посадить его на тройку съ жандармами и немедленно отправить его въ Сибирь на поселеніе

Отеческая заботливость.

По усмиреніи польскаго мятежа 1831 года, Калишскій кадетскій корпусъ былъ закрытъ, а кадеты изъ него были размѣщены по разнымъ корпусамъ, въ томъ числѣ и въ С.-Петербургскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

За нѣсколько дней до ихъ прибытія сюда, въ корпусъ пріѣхалъ Императоръ Николай Павловичъ и, собравъ воспитанниковъ, сказалъ имъ:

— Къ вамъ въ товарищи прибудутъ кадеты бывшаго Калишскаго корпуса. Боже васъ сохрани,—прибавилъ онъ, погрозивъ пальцемъ,—если кто-нибудь изъ васъ позволитъ себѣ назвать ихъ бунтовщиками. Боже васъ сохрани!

Спустя нѣкоторое время послѣ прибытія калишцевъ, Государь снова пріѣхалъ въ корпусъ и, когда кадеты собрались, сказалъ громко:

— Калишцы, выходи!

Тѣ вышли и построились предъ нимъ.

— Довольны ли вы?

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество!

— Не обижаетъ-ли васъ кто? Говори!

— Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество!

— Спасибо—сказалъ Государь, обращаясь къ остальнымъ кадетамъ.

По модѣ.

Одинъ изъ сыновей графини С. П. Сологубъ, въ началѣ тридцатыхъ годовъ возвратился изъ Парижа въ Петербургъ съ новой модной въ то время во Франціи прической „à la мужикъ“ и явился на балъ къ княжнѣ Бѣлосѣльской.

Государь Николай Павловичъ, увидавъ его, спросилъ:

— Гдѣ вы торгуете, въ Гостинномъ или Апраксиномъ дворѣ?

Этихъ словъ было достаточно: графъ Сологубъ немедленно исчезъ съ бала и перемѣнилъ прическу.

Иванъ Федоровичъ.

Оставшись очень довольнымъ послѣ одного смотра войскъ въ Варшавѣ, Императоръ Николай Павловичъ обратился къ окружавшимъ его офицерамъ и сказалъ:

— Господа генералы, штабъ и оберъ-офицеры, прошу ко мнѣ обѣдать.

Но когда Государь возвратился къ себѣ въ Лазенковскій дворецъ, его взяло сомнѣніе, принялъ ли на свой счетъ приглашеніе фельдмаршала Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, такъ какъ въ приглашеніи генераловъ и офицеровъ Государь не упомянулъ отдѣльно фельдмаршала.

Поэтому Николай Павловичъ приказалъ позвать къ нему конвойнаго. Явился кавказецъ

— Поѣзжай сейчасъ къ Ивану Федоровичу,—приказалъ ему Императоръ,—и проси его ко мнѣ обѣдать; да скажи, что безъ него не сяду за столъ.

Конвойный немедленно поскакалъ. Но дорогой онъ задумался: кто же это Иванъ Федоровичъ, къ которому его послалъ Государь? Конечно лицо извѣстное въ Варшавѣ; а потому его долженъ знать и будочникъ.

Не долго думая, онъ обратился за справкой къ первому попавшемуся будочнику:

— Гдѣ живетъ Иванъ Федоровичъ?

Будочникъ, конечно, зналъ, гдѣ живетъ Иванъ Федоровичъ, ибо Иванъ Федоровичъ былъ его квартальный, и онъ указалъ кавказцу:

— Вонъ, въ этомъ переулкѣ, въ трехъ-оконномъ домѣ съ зеленою крышею.

Кавказецъ подскакалъ къ этому дому и постучалъ въ ворота. На стукъ вышла старушка-кухарка.

— Здѣсь живетъ Иванъ Ѳедоровичъ?

— Здѣсь.

— Скажи ему, что Государь зоветъ его обѣдать.

— Да они ужъ пообѣдали и спать легли,—наивно отвѣчала старушка.

— Ну, такъ разбуди: я долженъ исполнить Царское повелѣніе.

Кухарка разбудила Ивана Ѳедоровича; конвойный передалъ ему приглашеніе. Старикъ квартальный не вѣрилъ, и тогда конвойный прибавилъ:

— Государь еще велѣлъ сказать, что безъ васъ и за столъ не сядетъ.

Надо было повиноваться. Осторожный квартальный на всякій случай записалъ фамилію кавказца, быстро одѣлся и поѣхалъ во дворецъ.

Между тѣмъ фельдмаршалъ Паскевичъ прибылъ къ обѣду по общему при-

глашенію, обращенному Императоромъ къ генераламъ и офицерамъ.

За обѣдомъ Государь, увидавъ квартальнаго, спросилъ Бенкендорфа:

— Кто это сидитъ тамъ безъ эполетъ?

— Сейчасъ узнаю, Ваше Величество.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не конфузь его; пусть пообѣдаетъ;—послѣ.

Послѣ обѣда Государь снова предупредилъ графа Бенкендорфа, чтобы, онъ разспросилъ „поделикатнѣе".

Кто вы?—спросилъ квартальнаго графъ.

Квартальный надзиратель такой-то,—отвѣчалъ старикъ.

— Какъ вы сюда попали?

— По приглашенію Государя, переданному мнѣ такимъ-то конвойнымъ Его Величества.

— Какимъ же это образомъ?

— Мало этого: конвойный сказалъ мнѣ, что Государю даже извѣстно мое

имя—Иванъ Федоровичъ—и что Его Величество не сядетъ безъ меня за столъ.

Тогда графъ Бенкендорфъ понялъ, въ чемъ дѣло, расхохотался и доложилъ подробно Государю, котораго это очень забавило.

Узналъ-ли онъ тутъ о томъ, что квартальный этотъ былъ хорошій человѣкъ и хорошій служака или же просто наружность его вселила къ нему довѣріе, но Государь позвалъ его къ себѣ, пожаловалъ ему часы и милостиво сказалъ:

— Ты хорошій служака, вотъ тебѣ отъ меня.

Такимъ образомъ на скромнаго квартальнаго свалилось заразъ столько неожиданныхъ благополучій: говорилъ съ самимъ Царемъ, получилъ Высочайшій подарокъ и обѣдалъ у Царя, при чемъ въ этотъ день обѣдалъ даже два раза.

Нескромный вопросъ.

Однажды Императоръ Николай Павловичъ ходилъ съ какимъ-то иностраннымъ принцемъ по валу Новогеоргіевской крѣпости. Принцъ, не задумываясь, спросилъ Императора:

— А въ сколько обошлось сооруженіе этой крѣпости?

Государь отвѣтилъ:

— Это знаетъ Богъ и Иванъ Ивановичъ Депъ.

П. И. Депъ былъ начальникомъ инженеровъ Варшавскаго округа.

Царское слово

Проѣзжая чрезъ Черниговъ, Государь Николай Павловичъ остановился у собора, вошелъ въ него, отслушалъ моле-

бенъ и, выйдя изъ собора, сѣлъ въ коляску, чтобы продолжать путь.

Но во время нахожденія его въ соборѣ около его коляски собралась громадная толпа народа, во мгновеніе ока узнавшая о проѣздѣ Государя. По этому Государь вышелъ изъ собора при оглушительныхъ крикахъ народа. Ямщикъ еле удерживалъ испугавшихся лошадей, а когда Государь сѣлъ въ коляску и крики усилились, лошади рванули и оборвали постромки.

Государя это раздосадовало и онъ звучнымъ своимъ голосомъ крикнулъ только одно слово:

— Оставьте!

И вся многотысячная толпа мгновенно смолкла, какъ одинъ человѣкъ.

Исправленная несправедливость.

Во время маневровъ Императоръ Николай Павловичъ послалъ флигель-адъю-

танта князя Радзивилла передать начальнику второй кавалерійской дивизіи Пенхержевскому приказаніе обскакать артилерійскую батарею и сдѣлать кавалерійскую аттаку.

Князь Радзивиллъ, вѣроятно, не понявъ приказанія, невѣрно передалъ его Пенхержевскому, и маневръ, который приказалъ Государь, выполненъ не былъ. Разсерженный Государь подскакалъ къ генералу Пенхержевскому и сдѣлалъ ему очень рѣзкій выговоръ.

— Ты своего дѣла не знаешь! Тебѣ надо вернуться въ школу!

Генералъ, публично, оскорбленный, осмѣлился отвѣтить, что онъ исполнялъ полученное имъ приказаніе.

— Отъ кого?—вскричалъ разгорячившійся Государь.

Пенхержевскій не желалъ переносить бурю со своей головы на голову князя Радзивилла и потому отвѣтилъ, что онъ забылъ, отъ кого.

— Забыть, также какъ и строевую службу! Стыдно, сударь!—И Государь круто повернулъ лошадь и уѣхалъ.

Вечеромъ къ Государю явился князь Раззвиллъ и заявилъ ему, что генералъ Пенхержевскій не былъ виноватъ

— А кто же?—спросилъ его Государь.

— Виноватъ я: я невѣрно передалъ ему приказаніе Вашего Величества.

— Хвалю за откровенность,—сказалъ Государь,—но ошибка сдѣлана и ее надо поправить. Ты знаешь, что подлежишь аресту. Завтра утромъ распорядись собрать предъ моею палаткою всѣхъ начальниковъ частей и приходи самъ.

Когда утромъ всѣ собрались, Николай Павловичъ вышелъ изъ палатки и сказалъ:

— Я васъ собралъ, господа, чтобы исполнить долгъ справедливости. Меня величаютъ великимъ человѣкомъ и ставятъ на какой-то пьедесталъ. Но я самъ сознаю, что часто впадаю въ провинности и не всегда сдерживаю свою горяч-

ность. Въ дѣтствѣ мало исправляли мой характеръ. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я иногда бывалъ несправедливъ: такимъ я былъ вчера съ однимъ изъ уважаемыхъ мною офицеровъ. Пенхержевскій, подойди сюда!

Генералъ Пенхержевскій выступилъ впередъ.

— Я вчера оскорбилъ тебя публично и при всѣхъ приношу сегодня извиненіе. Прощаешь ли меня?

Пенхержевскій наклонилъ голову, чтобы скрыть навернувшіяся на глазахъ слезы.

— Обними меня!—вскричалъ Государь и, крѣпко прижавъ его къ груди, сказалъ затѣмъ, обращаясь къ князю Радзивилу:

— Благодарю тебя за доставленный мнѣ случай покаяться въ грѣхахъ и отдать должное моему начальнику дивизіи.

Старикъ.

Гуляя утромъ по Дворцовой набережной, Государь Николай Павловичъ встрѣтилъ сѣдого какъ лунь старика, который при приближеніи Государя, упалъ на колѣни и поклонился ему до земли.

— Стыдно, старикъ, въ твои годы валяться въ ногахъ; такъ поклоняются только Богу. Что тебѣ надо?

— Ничего мнѣ, батюшка, не надо. Хотѣлось только повидать тебя; для того и пришелъ издалека.

— Откуда же ты и сколько тебѣ лѣтъ?

— Какъ минуло мнѣ сто лѣтъ, я пересталъ и считать свои годы. А только я въ жизнь не видалъ батюшку-Царя, вотъ и пошелъ изъ нашей Сибири, чтобы поклониться тебѣ. Теперь я хоть умру покойно.

Государь приказалъ ему прійти во дворецъ, представилъ его всему своему

семейству и осчастливленный старикъ на другой день отправился обратно къ себѣ домой.

Возвращенный изъ Сибири.

Одинъ изъ сосланныхъ въ Сибирь прислалъ въ Комиссію для принятія прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ прошеніе, въ которомъ излагалъ о своей невиновности. Чрезъ нѣсколько времени онъ прислалъ второе прошеніе такого же содержанія.

Предсѣдатель Комиссіи князь А. Ф. Голицынъ обратилъ вниманіе на эти просьбы, потребовалъ сенатское дѣло и чѣмъ болѣе въ него вчитывался, тѣмъ болѣе убѣждался, что произошла ошибка: одного сосланнаго вмѣсто другаго.

При первомъ же докладѣ Государю, у котораго онъ бывалъ разъ въ мѣсяцъ,

князь Голицынъ заговорилъ объ этомъ дѣлѣ.

— Лучше тебя знаю,—отвѣтилъ ему Императоръ Николай Павловичъ,—не говори мнѣ никогда объ этомъ.

Князь замолчалъ, но совѣсть его не молчала. Чрезъ нѣсколько времени, онъ, вопреки воспрещенію Государя, вновь заговорилъ объ этомъ дѣлѣ съ Государемъ, которому осмѣлился сказать, что совѣсть его только тогда успокоится, когда Императоръ лично разсмотритъ это дѣло. Государь отвѣтилъ ему:

— Пожалуй! Но въ такомъ случаѣ крѣпко держись!

Въ назначенный для аудіенціи часъ князь Голицынъ съ сердечнымъ трепетомъ входилъ вечеромъ въ кабинетъ Государя. Въ случаѣ неудачи доклада онъ могъ потерять свое мѣсто.

— Садись!—сказалъ ему Государь и самъ сѣлъ около него на диванѣ.

Голицынъ началъ излагать составлен-

ный имъ заранѣе докладъ, торопясь, ибо зналъ, что у Государя мало времени, такъ какъ его сейчасъ могутъ позвать къ вечернему чаю, который онъ всегда пилъ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей.

Сначала Государь выражалъ свое нетерпѣніе, а затѣмъ заинтересовался и сталъ повидимому склоняться къ мнѣнію князя Голицына. Въ это время вошелъ слуга отъ Государыни просить къ чаю. Государь сказалъ:

— Сегодня я занятъ!

По окончаніи доклада Императоръ всталъ съ дивана и сказалъ:

— Ты правъ, Голицынъ! Это мы должны поправить. Садись къ столу и пиши губернатору, чтобы онъ освободилъ этого человѣка. Я съ нимъ поговорю здѣсь, въ твоемъ присутствіи.

Голицынъ написалъ требуемое и по приказанію Государя немедленно явился лучшій фельдъегерь.

Ты всегда былъ проворнѣе дру-

гихъ, сказалъ ему Государь. Сейчасъ же поѣзжай въ Тобольскъ, отдай губернатору эту бумагу; если онъ будетъ спать, разбуди. Онъ передастъ тебѣ одного человѣка, ты его привезешь прямо ко мнѣ въ кабинетъ. Если я буду спать ты тоже и меня разбудишь.

Когда сосланнаго привезли къ Государю, онъ велѣлъ позвать князя Голицына, при которомъ Императоръ сказалъ возвращенному изъ Сибири:

Виноватъ, ошибся, поправлю; обратись къ князю Голицыну, онъ вмѣстѣ со мной приведетъ дѣло въ порядокъ.

Отецъ и сынъ.

Въ роскошномъ дворцѣ князя Юсупова, на Мойкѣ, былъ балъ, на которомъ присутствовалъ Императоръ Николай Павловичъ вмѣстѣ съ Наслѣдни-

комъ Цесаревичемъ, тогда еще очень молодымъ человѣкомъ.

Уѣзжая съ бала, Государь, быстро накинувъ поданную ему шубу, направился къ санямъ, Наслѣдникъ же Цесаревичъ задержался въ вестибюлѣ, такъ какъ его шуба нигдѣ не находилась: видимо кто-то ее укралъ. Чтобы не задерживать Государя, уже находившагося въ саняхъ, Наслѣднику накинули на плечи первую попавшуюся шинель.

Николай Павловичъ, увидавъ на сынѣ эту шинель, оказавшуюся холодною, всю дорогу журилъ Цесаревича за безпечность и небреженіе своего здоровья. А по пріѣздѣ во дворецъ онъ повелъ его въ злополучной шинели къ Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, которой сказалъ:

— Полюбуйся-ка, въ какой шинели онъ щеголяетъ въ такую погоду!

Императрица пришла въ ужасъ, увидавъ на сынѣ чуть ли не лѣтнюю ши-

нель. Она также обратилась къ сыну съ укоризнами, но Великій Князь Александръ Николаевичъ не возразилъ ей ни слова, какъ и отцу, не желая выдать виновныхъ.

Когда на другой день съ докладомъ къ Государю явился оберъ-полицеймейстеръ, онъ прежде всего доложилъ, что украденная вчера вечеромъ на балу у князя Юсупова шинель Его Высочества розыскана и воръ арестованъ

Николай Павловичъ былъ пораженъ, услыхавъ это, но въ тоже время онъ былъ безконечно обрадованъ увидавъ, что сынъ его обладаетъ столь высокими душевными качествами.

Онъ велѣлъ позвать Наслѣдника Цесаревича и горячо поцѣловалъ его.

комъ Цесаревичемъ, тогда еще очень молодымъ человѣкомъ.

Уѣзжая съ бала, Государь, быстро накинувъ поданную ему шубу, направился къ саняхъ, Наслѣдникъ же Цесаревичъ задержался въ вестибюлѣ, такъ какъ его шуба нигдѣ не находилась: видимо кто-то ее укралъ. Чтобы не задерживать Государя, уже находившагося въ саняхъ, Наслѣднику накинули на плечи первую попавшуюся шинель.

Николай Павловичъ, увидавъ на сынѣ эту шинель, оказавшуюся холодною, всю дорогу журилъ Цесаревича за безпечность и небреженіе своего здоровья. А по пріѣздѣ во дворецъ онъ повелъ его въ злополучной шинели къ Государынѣ Александрѣ Оеодоровнѣ, которой сказалъ:

— Полюбуйся-ка, въ какой шинели онъ щеголяетъ въ такую погоду!

Императрица пришла въ ужасъ, увидавъ на сынѣ чуть ли не лѣтнюю ши-

ноль. Она также обратилась къ сыну съ укоризнами, но Великій Князь Александръ Николаевичъ не возразилъ ей ни слова, какъ и отцу, не желая выдать виновныхъ.

Когда на другой день съ докладомъ къ Государю явился оберъ-полицеймейстеръ, онъ прежде всего доложилъ, что украденная вчера вечеромъ на балу у князя Юсупова шинель Его Высочества розыскана и воръ арестованъ

Николай Павловичъ былъ пораженъ, услыхавъ это, но въ тоже время онъ былъ безконечно обрадованъ увидавъ, что сынъ его обладаетъ столь высокими душевными качествами.

Онъ велѣлъ позвать Наслѣдника Цесаревича и горячо поцѣловалъ его.

Кончина Императора Николая I.

Первые признаки болѣзни, сведшей Императора Николая Павловича въ могилу. Его Величество почувствовалъ 27 января 1855 года. Вслѣдствіе общаго недомоганія и кашля, появившагося у Императора, врачи воспретили ему выходить на воздухъ, но Государь ихъ не послушался и, отслушавъ обѣдню въ дворцовой церкви, отправился въ манежъ Инженернаго замка на смотръ выступавшихъ въ походъ гвардейскихъ частей.

На убѣдительныя просьбы врачей Мандта и Карелля не выходить изъ дома, Государь сказалъ имъ:

Еслибы я былъ простой солдатъ, обратили ли бы вы вниманіе на мою болѣзнь?

— Ваше величество,—отвѣтилъ докторъ Карель,—въ вашей арміи нѣтъ ни одного медика, который позволилъ бы

солдату выписаться изъ госпиталя въ такомъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, и при такомъ морозѣ въ 23 градуса: мой долгъ требовать, чтобы вы не выходили изъ комнаты.

— Ты исполнилъ свой долгъ,—возразилъ ему Государь, позволь же мнѣ исполнить мой.

Поѣздка эта весьма вредно отозвалась на здоровьѣ Царя, но не взирая на развившуюся болѣзнь, Николай Павловичъ и на другой день поѣхалъ въ Михайловскій манежъ на смотръ другихъ частей гвардейскихъ войскъ, отправляющихся въ Крымъ.

Эта поѣздка Государя была послѣдней. Болѣзнь стала быстро расти. Воспалительный процессъ легкаго и кровохарканье все усиливались. Императоръ кромѣ того страдалъ безсонницей. Грустныя извѣстія изъ Крыма еще болѣе ухудшали его болѣзнь. Тѣмъ не менѣе Императоръ просилъ не публиковать

бюллетеней о его болѣзни, не желая безпокоить публику.

Императоръ, не смотря на свою болѣзнь, продолжалъ заниматься государственными дѣлами и только 12 февраля, почувствовавъ себя совершенно безъ силъ, передалъ ихъ Наслѣднику Цесаревичу.

Ночь съ 17 на 18 февраля была послѣдней въ его жизни. Николай Павловичъ былъ въ полномъ сознаніи. Онъ исповѣдался, пріобщился Св. Таинъ, благословилъ Императрицу и сказалъ подошедшему подъ благословеніе Наслѣднику:

— Служи Россіи... Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое—Провидѣніе судило иначе.

— Если уже суждено мнѣ тебя лишиться,- отвѣчалъ Цесаревичъ, заливаясь слезами,—то я увѣренъ, что ты и тамъ будешь молиться Ему о Россіи, о

насъ всѣхъ, о святой Его помощи понести тяжелое бремя, Имъ на меня возлагаемое.

— Да! Я всегда молился за Россію и за всѣхъ васъ; буду, молиться и тамъ. Вы же,—обратился Императоръ ко всѣмъ присутствующимъ,—останьтесь навсегда, какъ были доселѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейственной.

Затѣмъ Императоръ благословилъ всѣхъ бывшихъ при немъ, отсутствовавшихъ же благословлялъ поднятіемъ руки при имени каждаго. Простившись со всѣми и поблагодаривъ за службу, Государь Николай Павловичъ самъ распорядился о всемъ, что касалось его похоронъ, которые приказалъ устроить возможно проще и трауръ назначить возможно короткій.

Около двѣнадцати часовъ ночи Государь попросилъ читать отходную молитву. Силы его постепенно падали, но взоръ его не покидалъ двухъ лицъ—

Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича, державшихъ холодѣвшія руки Императора въ своихъ рукахъ.

Двадцать минутъ перваго часа въ ночь на 18 февраля 1855 года Императоръ Николай Павловичъ въ Бозѣ почилъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Бабушка и внукъ	3
Аничковскій рай	4
Самоотверженіе отца	5
Министровъ много, а Царь одинъ	7
Добрый дѣдушка	9
Недовѣрчивый нѣмецъ	10
Невинные и виновный	14
Простота жизни	16
У Царя обѣдалъ	17
Царь-кредиторъ	22
Солдатская жизнь дорога	25
Хорошая память	26
Китайскій императоръ	27
Гордый офицеръ	34
Въ дорогѣ	35
Царь-опекунъ и адвокатъ	36
Всему свое время	38
Ворчливый старикъ	39
Два генерала	41

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

Богомольность Императора 45
Счастливый мальчикъ 47
Привычка 49
Царь-миссіонеръ 51
Ослушаніе 54
Императоръ-отецъ 55
Быстрое правосудіе 58
Художники 63
Примѣрный мужъ 64
Деликатность 66
Дарья и Егорка 67
Наказанный страхъ 70
Истинное счастье 72
Инкогнито 74
Николай и Филаретъ 76
Оригинальная резолюція 78
Шутка 79
Царь-отецъ 81
Любезная почтмейстерша 82
Забота о солдатахъ 85
Питомцы 87
Пойди прочь! 89
Императоръ и Пушкинъ 90
Морякъ 91
Горе отца 92
Разжалованъ 93
Родственница 97
Выпутался 98

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Царь-зодчій	100
Наказанный ростовщикъ	102
Христіанское смиреніе	103
Царь и дѣти	104
Блондинка и коварная брюнетка	106
Образцовый переводчикъ	109
Царь-должникъ	—
Честный служака	111
Игры съ кадетами	113
Старость не радость	115
Голосъ въ люди вывелъ	116
Ловушка	117
Вѣрно	119
Осчастливленный бѣднякъ	120
Справедливость	122
Искусство—для всѣхъ	125
Вдохновеніе дорого	126
Закуска, но безъ обѣда	—
Самый лучшій паспортъ	127
Остроумная мѣра	133
Ослушникъ	135
Спасеніе жизни	138
Старый генералъ	141
Дезертиръ	142
Выговоръ	143
Тѣлохранитель	144
Дорогое молчаніе	151
Интересная перчатка	154

стр.
Снисходительность 155
Въ маскарадѣ 156
Строгое наказаніе . . . . . —
Отеческая заботливость 159
По модѣ 160
Иванъ Федоровичъ 161
Нескромный вопросъ 166
Царское слово . . . . . —
Исправленная несправедливость 167
Старикъ 170
Возвращенный изъ Сибири 172
Отецъ и сынъ 175
Кончина Императора Николая I. 177

15 АВГ

Имѣется въ продажѣ во всѣхъ Книжныхъ Магазинахъ.

Складъ изданія въ С.-Петербургскомъ Книжномъ Складѣ М. Залшупина, **С.-Петербургъ**, Б. Московская, 11. **Варшава**. Новый Свѣтъ, 24. **Витебскъ**, Замковая, д. Хайкина.

Цѣна 60 коп.

2007050668